

Р 21
ос 922

Р 4-4
ос 1-105

ПРОБУЖДЕНИЕ

ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН СВОБОДНОЙ МЫСЛИ

СОДЕРЖАНИЕ ДВЕНАДЦАТОГО НОМЕРА

Первое мая — — — — — ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ
Анархизм — — — — — ВОЛЬТЕРИНА ДЕ КЛЭЙР
Памяти Элизе Реклю — — — — — М. НЕТТЛАУ
Предисловие к книге Жан Грва. — — — — — А. Р.
Анархическое движение во Франции — — — — — ЖАН ГРАВ
Из воспоминаний об Элизе Реклю — — — — — ЖАН ГРАВ
Ода Папе Римскому — — — — — АЛЕКСАНДР ЖАРОВ
Искатели истины: материалисты и идеалисты Н. А. РУБАКИН-29-32
Человек и среда — — — — — А. ХИЛКОВ
Письмо анархиста к матери — — — — — МИРСКИЙ
Резолюция протеста против арестов и преследований.
Конференция Групп и организаций пробужденцев
Мелкие заметки и сообщения.

24 Рс 4-4
922 Рс 1-105

ПРОБУЖДЕНИЕ

Рс

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОРГАН СВОБОДНОЙ МЫСЛИ.

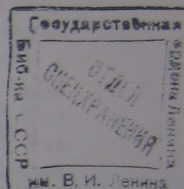
ИЗДАНИЕ РУССКИХ ПРОГРЕССИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ.

Адрес:

PROBUZHDENIE

9219 RUSSELL STREET

DETROIT, MICH.

№12

МАЙ, 1930. Рс - 6480

ПЕРВОЕ МАЯ

Отречемся от старого мира,

Отряхнем его прах с наших ног..

История Первого Мая находится в непосредственной связи с эпохой бурных рабочих волнений в Соединенных Штатах. В недрах американского рабочего движения возникла первоначальная идея первомайской стачки, впоследствии перенесенная в Европу и превратившаяся в день международной рабочей солидарности и борьбы.

Американские Рыцари Труда — предшественники Американской Федерации Труда — на конвенции постановили: в день 1-го мая 1886 года начать борьбу за 8-ми часовой рабочий день. Американские предприниматели ответили на требования рабочих локаутами.

Разыгрались хорошо известные чикагские события: объявление локаута на заводе сельскохозяйственных машин Мак-Нормина, попытка возобновления работ с помощью снэбов, противодействие со стороны выброшенных на улицу рабочих и расстрел полицией 6 и по ранение 25 забастовщиков. Жестокая расправа с рабочими вызывает взрыв негодования и возмущения среди чикагских рабочих. Под влиянием агитации анархистов, протест против полицейского террора и произвола принимает революционный характер. Происходит известный митинг на Гей Маркет (Сенная

Площадь), нападение на него большого отряда полиции и взрыв бомбы, которым были убиты 8 и ранено 68 полицейских. Новая жестокая расправа полицейских и затем суд над „зачинщиками“ анархистами, закончившийся казнями.

Чикагские события, а в особенности месть американского буржуазного суда, решившего убить не причастных к взрыву анархистов в угоду на-смерть перепуганным американским капиталистам, всколыхнули и дали толчек европейскому рабочему движению.

В июле 1889 года, на парижском международном рабочем конгрессе (марксистов) было принято постановление о провозглашении Первого Мая днем манифестации в пользу установления 8-ми часового рабочего дня.

Первое Мая вошло в историю рабочего движения, как праздник братства. Провозглашая во всемирное сведение, что трудящиеся люди всех стран имеют одинаковые интересы, будь они русские, китайцы, англичане, евреи, французы, поляки, армяне, японцы, украинцы или немцы, первомайский праздник тем самым говорит, что рабочему народу разных стран не из-за чего ссориться, вести войны, но нужно жить в братском мире между собой; что у рабочих всего мира есть только один враг—капиталисты, буржуазия и власть,

Отдел л... ры
русского... кья

99-104

порабощающие, эксплуатирующие и превращающие трудящихся в бесправных наемных рабов.

Из года в год, в течение последних 44-х лет, происходят первомайские демонстрации рабочих. Первая попытка первомайской стачки была сделана в Польше с ее развитой промышленностью и более революционно-настроенным пролетариатом (в Варшаве в 1890 г., в Варшаве, Лодзи и Жирардове в 1891 году, в Лодзи в 1892 г., когда забастовало около 60,000 человек и было убито 46 рабочих.)

В Белоруссии еврейские рабочие с 1892 года ежегодно праздновали 1-ое мая на тайных собраниях.

Русские рабочие впервые праздновали 1-ое мая в 1891 году. Несколько десятков сознательных товарищей в Петербурге собрались в ближайшее после 1 мая воскресенье на тайную сходку, на которой были произнесены четыре речи, напечатанные за-границей.

В силу русских политических условий очень часто днем празднования назначалось не 1-ое мая, а ближайшее до него или за ним воскресенье.

В 1893 году присоединились латышские рабочие, устроившие небольшое и тоже тайное собрание, а в 1895 году — московские рабочие.

Первомайская прокламация вышла в Петербурге в 1896 году (до тех пор прокламации выходили только в Польше), а в 1897 году появились первые еврейские прокламации. В том-же году маевку отпраздновали рабочие киевских железно-дорожных мастерских.

В 1898 году с.-д. выпустили уже общее для всей России воззвание. Праздновали также рабочие Тифлиса, Иваново-Вознесенска и Харькова.

С 1899 года маевки приняли открытый и демонстративный характер. В Либаве в первомайской стачке принимает участие 20,000 рабочих. Происходят демонстрации в Вильне, Киеве, Харькове, Ростове-на Дону, Одессе, Екатеринославе и Тифлисе.

В 1900 году имела место первая уличная демонстрация во время маевки в Харькове.

В процессии, прошедшей весь город, приняло участие 10,000 человек.

В 1901 году в Тифлисе казаки жестоко расправились с рабочими, защищавшими красное знамя. В Петербурге, на Обуховском заводе, первомайские волнения закончились стрельбой в рабочих. Было убито и ранено несколько рабочих.

В 1902 году в Вильне генерал-губернатор фон-Валь высек демонстрантов. Подобные же экзекуции имели место в Екатеринославе и на Воткинском заводе. В качестве противодействия маевкам, царское правительство стало прибегать к еврейским погромам. Первый погром состоялся незадолго до 1-го мая в Кишеневе.

Первомайские выступления в других странах всегда были внушительными и грозными.

Первое Мая в этом году всколыхнет рабочий мир во всех уголках земного шара, где только дымятся фабричные трубы и визжат машины. И на этот раз не обойдется без кровавых схваток, побоищ, убийств, массовых арестов. И в этом году день международной рабочей солидарности омрачится пролитием рабочей крови.

Ибо враг наш силен. Он тоже мобилизует свои силы, полчища полиции, сыщиков, готовит пулеметы и бомбы, чтобы потушить пламя разгорающейся всемирной социальной революции.

В этом году Первое Мая будет особенно грозным, особенно опасным для поработителей трудящихся. Пробуждаются и разрывают свои путы после многовековой спячки трудовые массы Востока: армия всемирного труда увеличит свои ряды новыми отрядами китайских, индийских, японских и африканских классово-сознательных рабочих. В Европе и Америке капитализм, порондающий хронический промышленный кризис и массовую безработицу, будет призван к ответу. Миллионы бродящих по улицам безработных в напрасных поисках куска хлеба явятся беспощадными обвинителями буржуазного строя. Революционный протест против отжившего буржуазного общества становится все более настойчивым и энергичным. В рабочие массы все более проникает сознание необходимости крушения буржуазного строя, который

ВОЛЬТЕРИНА ДЕ КЛЭЙР

АНАРХИЗМ

Два разных состояния души существуют на свете: дух Осторожности и дух Дерзости. — дух Успокоенности и дух Беспokoйства — дух, неподвижности и дух Перемены. — дух, заставляющий цепляться за то, что имеешь, и дух, заставляющий все бросать и искать нового, — дух медлительного и настойчивого строителя, осторожного в своем творчестве, несклонного расставаться со своими достижениями, стремящегося удерживать их и неспособного разбираться между тем, что заслуживает быть сохраненным, и тем, что должно быть отброшено. — и дух влостовенного разрушителя, богатого творческой выдумкой, ветренного, беззаботно тратящего свои силы, склонного отбрасывать плохое вместе с хорошим.

Общество — неустойчивые весы, вечно колеблющиеся между этими двумя крайностями. Те, кто смотрит на Человека так, как смотрит на него большинство Анархистов, — как на звено в цепи эволюции, — видят в этих двух социальных тенденциях сумму тенденций отдельных людей. Как и во всей органической жизни, эти тенденции являются результатом действия и противодействия наследственности и приспособления. Наследственность постоянно стремится повторить то, что было раньше — даже очень, очень

не может снабдить миллионы здоровых людей работой и обрекает их и их семьи на голод и вымирание.

Капитализм изжил себя. Из рук кучки капиталистов должны быть отняты богатства страны, средства и орудия производства. Они не должны быть монополией буржуазного класса. Общество, основанное на неравенстве, на обогащении одной группы лиц на счет труда всех трудящихся, должно исчезнуть подобно тому, как исчезли феодализм, абсолютизм, рабство, крепостничество и другие институты политического и экономического угнетения.

Да здравствует Первое Мая! Да здравствует грядущее безвластное, свободное общество!

долго после того, как это бывшее стало отжившим. Приспособление же постоянно стремится разбить формы. Те же тенденции — под другими названиями — наблюдаются и в неорганическом мире. Каждый, кем владеет современная научная мания Монизма, легко может проследить эту линию вплоть до границ человеческого познания.

Сильная склонность к этому на самом деле наблюдалась среди более образованной части Анархистов. Будучи рабочими и став Анархистами в силу своей инстинктивной ненависти к хозяину, позднее ставшие студентами и увнесенные в сторону своего плохо переваренной наукой, они тотчас решили, что необходимо приспособить их Анархизм к откровениям микроскопа или вообще отказаться от теории, в противном случае. Меня очень забавляет воспоминание о том, как, лет пять или шесть тому назад, доктора и зеленые кандидаты в доктора горячо спорили и искали оправдания Анархизма в развитии амебы, в то время, как начинающий инженер искал его в математике.

Я сама одно время горячо доказывала, что никто не может быть Анархистом и верить в Бога в одно и то же время. Другие так же горячо доказывали, что нельзя соглашаться с выводами спиритуалистической философии и быть Анархистом.

В настоящее время я, вместе с К. Л. Джемсом, самым ученым из американских Анархистов, считаю, что метафизическая система имеет очень мало общего с этим вопросом. Цепь рассуждений, когда-то казавшаяся мне столь убедительной, а именно — что Анархизм, будучи отрицанием власти над личностью, не может со-существовать с верой в Верховного Правителя вселенной, — опровергнута Львом Толстым, который пришел к заключению, что никто не имеет права управлять другим, именно в силу своей веры в Бога, именно потому, что Толстой верил, что все люди — равноправные дети одного отца, и что, следовательно, никто не имеет права управлять другим. Я говорю о

Толстом потому, что он — известный и выдающийся человек, но часто бывали примеры, когда та же самая мысль вырабатывалась целой сектой верующих, особенно на ранних ступенях их развития, когда их преследовали.

После этого мне уже более не кажется необходимым, чтобы каждый строил свой Анархизм на каком-либо особом мировоззрении, ибо Анархизм является теорией отношений между людьми и предлагается в качестве решения социальных проблем, возникающих из факта существования тех двух тенденций, о которых я выше говорила. Не существенно, откуда эти тенденции появились, ибо их существование признается всеми. И как бы ни было соблазнительно вновь раствориться в водовороте молекул, где фигура человека выделяется лишь в качестве более сплоченной, крепкой группы, хотя и более активной, но не свободной от той же необходимости, которую получают все другие центры силы. — все же нет никакой необходимости в особом мировоззрении для того, чтобы додуматься до Анархизма.

Достаточно обладать зорко подмечающим глазом и хорошо работающими мозгами, чтобы каждый, образованный или необразованный, признал цели Анархизма привлекательными. Это не значит, что рост знания не будет подтверждать и расширять применение людьми этой основной идеи: красота правды в том, что каждый раз, когда открываются новые факты, она оказывается шире и глубже, чем казалась нам первоначально. Но это означает, что Анархизм прежде всего интересуется существующими условиями и проблемами, обыкновенными людьми. Ни в коем случае он не является трудной и сложной проблемой.

Анархизм сам по себе, отделенный от всех предлагавшихся экономических реформ, является самым позднейшим из всех данных в прошлом ответов тому смелому, разрушительному, легкомысленному, изменчивому духу, который не знает удовлетворения. Общество, частью которого мы являемся, подвергает нас некоторому угнетению, — угнетению, возникшему как раз из перемен, внесенных этим самым духом, в сочетании с

множеством старых привычек, приобретенных и закрепившихся прежде, чем были задуманы перемены. Машины, создавшие — как постоянно утверждают наши товарищи социалисты — революцию в Промышленности, являются созданием Духа Дерзания. Она пробила себе дорогу через старые привычки, привилегии и трусость, как это показала бы история каждого изобретения, если проследить линию его развития. А результат? Результат тот, что система труда, уже приспособленная к ручному производству и неспособная породить большие силы угнетения до тех пор, пока промышленность оставалась на этой ступени развития, была вынуждена приспособиться к массовому производству, пока мы не достигли последней черты. Теперь дух Дерзания должен вновь проявиться — требовать новых свобод, раз старые свободы стали пустыми и ненужными в силу современных способов производства.

Точнее говоря: в старые времена Хозяина и Работника, не столь отдаленные времена, чтобы о них не могли вспомнить более поздние рабочие, мастерская была довольно маленьким учреждением, где наниматель и рабочий работали вместе, не знали классового чувства, дружили между собой вне работы, не имели нужды торопиться, а когда считали нужным спешить, то исходили при этом из принципа общих интересов и дружбы (а не власти работодателя) и помогали друг другу путем сверхурочной работы. Возможно, что пропорциональная прибыль на каждого работника была в общем, даже выше, но размер предприятия каждого хозяина в отрасли был так, относительно, мал, что чрезмерное накопление богатства не могло возникнуть. Быть хозяином не значило иметь власть над приходом и расходом другого человека, ни над его разговором во время работы, не давало права принуждать его к сверхусильной работе, ни налагать на него штрафы и наказания, вроде плевков, обливания деляной водой, поения негодным чаем, и пр., ни заставлять его работать среди неопишемого неприличия большой фабрики. Личность рабочего была определенно признанной величиной: его жизнь составляла его собственность, его нельзя было запираить и заставлять

работать до смерти, как извозчикъ влячу, для общего блага и для возвеличения Общества.

Когда стал применяться паровой двигатель и начала развиваться Машина, появились большие массы рабочих, разделение труда, сделавшее хозяина особым человеком, имеющим интересы, враждебные интересам его рабочих, живущим в совершенно ином кругу, знающим своих людей только как рабочую силу, с которыми он считается как с машинами, по большей части презирая их, в лучшем случае считая их своими слугами, о которых он в некоторых отношениях должен заботиться, как гуманный человек заботится о старой лошади, которой он не может уже пользоваться. Так относится он к своим рабочим. В то же время по отношению к обществу он появляется в роли огромного осьминога со щупальцами, достигающими повсюду. Каждая часть в отдельности выкачивает не очень большое количество прибыли, но в итоге получается такая масса богатства, что над всяким провозглашением равенства и свободы между ним и рабочим остается только смеяться.

Итак, пришло время, когда дух Дерзавия громко говорит в каждой фабрике и мастерской и зовет к перемене в отношениях между хозяином и рабочим. Должны быть приняты возможные меры, чтобы сохранить преимущества нового способа производства и в то же время восстановить личное достоинство рабочего, — вернуть гордую независимость старого мастера в его ремесле, вместе с теми новыми свободами, которые по справедливости должны быть ему даны в качестве его особых выходов от материального прогресса.

С этой идеей и обращается Анархизм к рабочему. Он не является экономической системой. Он не предлагает вам подробного плана того, как вы, рабочие, должны вести производство, ни систематизированных методов обмена, ни предусмотрительных бумажных организаций „управления вещами“. Он просто обращается к духу личности и зовет его подняться из своего унижения и стать верховной ценностью при любой грядущей экономической перестройке. Будьте людьми прежде всего, не давайте поработать себя

вещам, которые вы сами производите. Пусть вашим евангелием будет: „вещи для людей, а не люди для вещей“.

Социализм, с его экономической стороны, есть путь к такому преобразованию. Это, главным образом, попытка использовать те великие материальные завоевания, которые являются плодом последних сорока или пятидесяти лет. Социализм не столько имеет в виду требование уважения к рабочему и утверждение его личности, сколько справедливое распределение продуктов.

Теперь совершенно ясно, что Анархия, имея дело почти исключительно с отношениями людей в их мыслях и чувствах, а не с определенной организацией производства и распределения, должна побудить Анархиста дополнить свой Анархизм некоторыми экономическими взглядами, которые дали бы ему и другим возможность облечь в практическую форму эту перспективу независимой человеческой жизни. Выбор этих взглядов является для него экзаменом, дающим меру его индивидуальности. Для него недостаточно, что ему будет обеспечен комфорт, хорошо налаженный и приятный порядок жизни. Свобода для душевного влечения к переменам — вот первое требование.

У каждого Анархиста есть то общее с каждым другим Анархистом, что экономическая система должна быть подчинена этой цели. Ни одна система не удовлетворяет его в силу только ее красоты или налаженности ее работы. Ревниво относясь ко всякому посягательству со стороны этой машины, он со свирепой подозрительностью смотрит на арифметику, учитывающую людей как единицы рабочей силы, на общество, развивающееся без сучка — задоринки, с точностью, чарующей того, у кого любовь к порядку на первом месте, но которая Анархиста заставляет улыбаться: — „ведь, от этого пахнет машинным маслом!“.

Таким образом, среди Анархистов существует несколько экономических школ: есть Анар. Индивидуалисты, Анар. Мугуалисты, Анар. Социалисты, Анар. Коммунисты. Прежде эти школы резко критиковали друг друга и отказывались признавать одна другую Анархической. Более уклее с обеих сторон до сих

пор еще это делают. Правда, они не считают это узо́стью, а лишь крепкой приверженностью к правде, не допускающей терпимости по отношению к заблуждению. Таково же было поведение ханжей во все времена, и Анархизм не более свободен от таких ханжей, чем любая иная новая доктрина. Каждый из этих фанатических сторонников коллективизма или индивидуализма думает, что никакой Анархизм невозможен без такой определенной экономической системы в качестве гарантии, и, конечно, находит для этого полное оправдание в своей собственной точке зрения. Вместе с распространением того, что товарищ Браун называет „Новым Духом“, эта старая узость взглядов уступает место более широкой, терпимой и гораздо более обоснованной мысли, что все эти экономические воззрения могут быть испытаны на опыте, и что ни в одном из них нет ничего не-Анархического, поскольку элемент принуждения не входит в них и не заставляет нежелающих оставаться в данной группе, с экономическим устройством которой они не согласны. (Когда я говорю: „не согласны“, я не хочу сказать, что они просто питают отвращение к данной системе, или что они легко могут примириться на другом каком-либо подходящем устройстве, как, например, два человека, живущих в одном доме и любящих разные стили декорации, сходятся в выборе цвета оконных занавесок не потому, что он им нравится, а для того, чтобы пребывать в дружеском согласии. Я имею в виду серьезные разногласия, угрожающие, по их мнению, их свободам. Я делаю это разъяснение на примере безделья, ибо возражения против учения о том, что люди могут жить в свободном обществе, почти всегда вырождаются в банальности, — например: „что вы сделаете, если две женщины захотят одну и ту же шляпу“, и т. п. Мы не проповедем уничтожения здравого смысла, и всякий разумный человек должен быть готов на уступки по временам, лишь бы он не был к этому принуждаем во что бы то ни стало).

Поэтому я говорю, что каждая группа лиц, свободно действующих в рядах общества, могут избрать любую из предлагаемых систем и быть в такой же степени подлинными

Анархистами, как и те, кто выбирает другую систему. Приняв эту точку зрения, мы освобождаемся от тех оскорбительных отлучений и предания анафеме, которые, собственно, должны применяться только Римской Церковью и которые не приводят ни к какому результату, а лишь навлекают на нас заслуженное пренебрежение со стороны посторонних.

Далее, приняв этот вывод с чисто теоретической точки зрения, человек оказывается, как мне кажется, в состоянии усмотреть некоторые материальные факторы в проблеме, которые объясняют это различие предлагаемых систем и которые даже требуют таких различий, пока производство находится в своем нынешнем состоянии.

Теперь я вкратце коснусь этих различных предположений и объясню постепенно, что именно представляют собой те материальные факторы, о которых я сейчас упоминала. Начну с Анархического Социализма. Его экономическая программа та же, что и программа политического Социализма, в его целом. — раньше, чем стремление к практической политике превратило Социализм в простой список проводимых правительством улучшений. Такие Анархисты Социалисты считают, что государство, централизованное правительство, всегда было и всегда будет деловым агентом класса собственников; что оно является выражением известных материальных условий, и что вместе с исчезновением этих условий государство также должно исчезнуть; что Социализм, означающий полный переход всех форм собственности из рук отдельных лиц в неделимую собственность человека, принесет с собой полное исчезновение государства. Они думают, что если каждый человек будет иметь равное право на общественный продукт, при отсутствии побуждения к захвату и накоплению, то преступления (которые почти всегда являются инстинктивным ответом на какой-нибудь предшествующий отказ в таком праве человека на его долю) исчезнут, а с ними и последнее оправдание для существования государства. Как правило, они не ставят себе целью преобразование материальной формы общества в указанном смысле, как это делают некоторые

другие среди нас. Один житель Лондона сказал мне однажды, что, по его мнению, Лондон будет продолжать расти, прилив и отлив людей разных национальностей будет продолжаться на его извилистых улицах, его сто тысяч автобусов будут попрежнему нести по ним, и все это огромное движение, которое ужасает и чарует в одно и то же время, будет все так же мчаться, подобно огромной волне вверх и вниз, вверх и вниз, точно шквал. — после осуществления Анархизма, как и теперь. Имя этого лондонского жителя — Джон Турнер. Он тогда же сказал мне, что разделяет экономические взгляды Социализма.

Эта часть Анархической партии вышла из старой Социалистической партии и первоначально представляла собой революционное крыло этой партии, противоположащее себя тем, кто стремился к политической борьбе. И я думаю, что существенная причина, объясняющая, почему они усвоили эту особую схему экономических воззрений, состоит в том (это относится, разумеется, ко всем Европейским социалистам), что социальное развитие Европы есть результат долго разветвлявшейся истории: что с незапамятных времен там велась классовая борьба; что ни один из живущих ныне рабочих, ни его отец, ни его дед, ни его пра-дед не видели, как земля в Европе большими участками переходила из общественного владения в руки частных лиц, как и они сами, без титулов или других внешних признаков превосходства над ним, как это видели мы в Америке. Земля и земельные собственники всегда были для него величинами, к которым он не мог и приблизиться. — вечные источники классового угнетения и классового владения.

Опять-таки, развитие промышленности в больших и малых городах, несая с собой возможность спасения от феодального гнета, одновременно несла и свою собственную форму угнетения, также имевшую за собой долгую историю борьбы. Это промышленное развитие содействовало возникновению объединяющего чувства верности своему классу среди рабочего народа промышленных городов, и ослепленный, ступенный, подчиненный влиянию церкви народ стал обнаруживать еще

слабую, неопределенную, но бесспорно развивавшуюся веру в то, что спасение для него лежит в объединении его сил. Народ стал с подозрением или равнодушным относиться ко всем советам, рекомендовавшим помощь им путем помощи хозяевам. Сверх того, Социализм был вечно возраждавшейся мечтой на протяжении долгой истории революционного движения в Европе. Анархисты, как и все другие родились в нем. Лишь переплыв моря и придя в соприкосновение с другими условиями, вдыхая атмосферу иных мыслей, они становятся способными увидеть и другие возможности.

Здесь я попытаюсь сделать критическое замечание по поводу Анархистов Социалистов. Самый крупный порок их воззрений на государство состоит в предположении, что оно просто возникло. Государство является не только орудием правящих классов. Корень его уходит глубоко в религиозное развитие человеческой природы, оно не может просто разложиться в силу уничтожения классов и собственности. Нужно работать и в других направлениях. Что касается экономической программы, то я разберу ее вместе с другими положениями, когда буду подводить итоги.

Анархический коммунизм является скорее видоизменением, чем развитием Анархического Социализма. Большая часть Анархистов Коммунистов, я думаю, желала бы глубоких перемен в распределении людей по земной поверхности путем осуществления Анархизма. Многие из них согласны с тем, что освобождение земли и свободное пользование орудиями труда привело бы к распаду этих обширных обществ, называемых государствами, и к образованию малых групп общин, связанных между собой только свободным признанием общности своих интересов.

В то время, как Социализм стремится к дальнейшему расширению новейших завоеваний Торговли, — состоящих в том, что она принесла продукты всего земного шара к вашим дверям, — свободный коммунизм смотрит на такой лихорадочный ввоз и вывоз, как на нездоровое развитие, и рассчитывает скорее на самостоятельное развитие домашних ресурсов, кладущее конец общинной организации руководства, необходимой при та-

ком мировом масштабе обмена. Коммунизм обращается к здравому смыслу рабочих и предлагает, чтобы они, ныне рассматривающие себя как беспомощных слуг, зависящих от умения хозяина найти для них работу, сами образовали бы независимые производящие группы, взяли бы материалы, стали бы выполнять работу (они делают ее теперь), свозили бы продукты в склады, брали бы оттуда, что им требуется для себя, а остальное отдавали другим. Для этого не требуется ни правительства, ни хозяина, ни денежной системы. Необходимо только достойное отношение к тому, что принадлежит мне, и к тому, что принадлежит другим товарищам-рабочим. Трудно поверить, что такие обширные скопления людей, какие собираются в наше время на фабриках и заводах, станут когда-либо собираться по собственному желанию. (Фабрика — место зарождения всего, что есть порочного в человеческой природе, и главным образом вследствие такого скопления людей).

Мысль о том, что люди не могут работать вместе, если за производительность их работы не будет присматривать хозяин, противоречит и здравому смыслу, и наблюдаемым фактам. Как правило, мастера только усиливают хаос, когда пытаются вмешаться в работу, как это знает по опыту каждый механик. Что касается общественной работы, то, ведь, люди работали совместно еще тогда, когда были обезьянами. Кто этому не верит, пусть присмотрится к обезьянам. И они также не поступаются своей личной свободой.

Короче говоря, рабочие устанавливают свои собственные правила, будут сами решать, когда, где и сколько продуктов должно быть изготовлено. Нет необходимости, чтобы строитель будущего Анархического коммунистического общества указывал рабочим, как управлять отдельными отраслями промышленности, да они и не рассчитывают на это. Он просто обращается к духу Дерзания и Творчества самых простых рабочих и говорит им: „вы сами знаете, как нужно сверлить, копать, резать; — вы умеете сами организовать свою работу, без диктатора; — мы ничего не можем сказать вам, но вполне уверены, что вы сами найдете дорогу. Вы никогда не будете

свободными людьми, пока не приобретете уверенности в своих силах“.

Что касается проблемы точного обмена эквивалентов, так занимающей реформаторов других школ, то для него она не существует. О чем заботиться, раз всего есть изобилие? Источники изобилия навсегда останутся неделимыми. Не беда, если у людей будет немножко меньше или больше, раз хватает на всех. Не беда, если кое-что будет выброшено. Пусть выбрасывают. Гнилое яблоко оплодотворяет почву не хуже, чем яблоко, прошедшее через человеческий организм. В самом деле, вы, так хлопочущие о системе, порядке и соответствии между производством и потреблением, вы затрачиваете больше человеческой энергии на расчеты, чем того стоят ваши драгоценные цифры. Поэтому деньги со всеми связанными с ними осложнениями и хитростями подлежат уничтожению.

Маленькие, независимые, самодовлеющие, свободно сотрудничающие коммуны — таков экономический идеал, принятый в настоящее время большей частью Анархистов Старого Света.

Что касается фактора, содействовавшего развитию этого идеала среди Европейцев, то таковым были воспоминания и даже некоторые оставшиеся следы средневековой коммунальной деревни — эти оазисы в великой Сахаре человеческого падения в средние века, когда католическая церковь стояла, торжествующая, над поверженным в прах человеком. Таков идеал, освещенный лучами уже зашедшего солнца, сияющий со страниц Морриса и Кропоткина. В Америке мы никогда не знали коммунальной деревни. Белая Цивилизация охватила наши берега широкой и ровной волной и пронеслась по всей стране. У нас никогда не было маленьких коммун, вырвавшихся из состояния варварства самостоятельно, на основе несложного производства, не выходя из пределов коммуны. Здесь не было постепенного перехода от образа жизни туземцев к нашему собственному образу жизни, была лишь расчистка почвы и пересадка целиком новейшей Европейской цивилизации. Идея маленьких коммун, следовательно, явилась инстинктивно у Анархистов Европы, —

особенно у континентальных Анархистов: у них это было просто сознательное развитие подавленного инстинкта. У американцев это был привозной продукт.

Я думаю, что большинство Анархистов коммунистов свободны от заблуждения социалистов, считающих государство просто продуктом материальных условий, хотя они и подчеркивают, что оно является орудием собственников, и утверждают, что в той или иной форме государство будет существовать до тех пор, пока будет существовать собственность.

Перехожу к крайним индивидуалистам, — к тем, кто придерживается традиции политической экономии и неуклонно руководится той идеей, что система хозяина и работника, покупки и продажи, банков и других неизбежных учреждений капиталистического общества, сосредоточенных вокруг частной собственности, сама по себе хороша, и лишь становится порочной в силу вмешательства государства. Их главные экономические идеи таковы: земля должна предоставляться отдельным лицам и группам лишь в размере трудового надела, — переделы должны назначаться по желанию членов коммуны, — вопросы о трудовом пользовании должны решаться каждой коммуной на общих собраниях, — спорные дела должны разрешаться так называемым свободным судом, избираемым по жребию из всей группы; члены, не согласные с решением группы, могут выселяться на незанятые земли, без помехи с чьей-либо стороны.

Деньги могут выпускаться всеми, кому угодно. Естественно, они будут идти к тем, кто будет вносить обеспечение в банк и взамен получать банковские свидетельства. Эти свидетельства будут представлять труд, затраченный на производство и будут выпускаться в достаточном количестве (так как никто не будет лишен права открывать собственное дело, то повсюду, где учетный процент будет повышаться, будет организовано больше банков, и размер процентов будет постоянно удерживаться на должном уровне в силу конкуренции), обмен будет происходить свободно, товары будут в движении, дела всякого рода будут поощряться, и так как патентов на изобретения не будет, то промыш-

ленность будет возникать на каждом шагу, хозяева будут гоняться за работниками скорее, чем работники за хозяевами, заработная плата будет расти в полном соответствии с индивидуальной производительностью, и этот уровень сохранится навсегда. Возникнет, наконец, собственность, настоящая собственность, не существующая в наши дни, ибо никто не получает равного тому, что производит.

Соблазнительность этой программы в том, что она не предлагает никаких широких перемен в нашем повседневном обиходе, не оглушает нас, как это делают более революционные программы. Ее средства — самодействующие, не рассчитывающие на сознательные усилия отдельных людей установить справедливость и построить гармонию. Свободное составление — вот великая автоматическая заслонка, открывающаяся или закрывающаяся в соответствии с понижением или повышением спроса, и все, что необходимо, это — не трогать ее и не пытаться помочь ей.

Нет сомнения, что девять Американцев из десяти, никогда не слышавших ранее о подобных программах, будут прислушиваться с интересом и одобрением к этой программе предпочтительно перед другими. Существенная причина, объясняющая это настроение, очевидна. За исключением негритянского вопроса, мы никогда не имели в Америке исторического деления на классы. Мы как раз делаем историю теперь. Мы никогда не имели потребности в объединении рабочего с рабочим, ибо в нашем обществе строителем всегда был индивид, сегодняшний рабочий завтра становится хозяином, и так как перед ним были широкие возможности во вновь открывавшихся территориях, то он брал свои инструменты на плечи и отправлялся в путь на собственный риск и страх. Даже теперь, несмотря на то, что борьба становится все ожесточеннее и ожесточеннее, что рабочего все больше и больше загоняют в тупик, линия раздела между классом и классом постоянно нарушается, и первое правило Американца — „Бог помогает тому, кто сам себе помогает“. Поэтому экономическая программа, основной мотив которой — „предоставьте

свободу действий", вполне отвечает традиционным симпатиям и жизненным привычкам людей, которые сами видели, как почти неограниченные богатства приобретались тем же способом, каким игрок выигрывает свои ставки, и притом теми, с кем они играли в школе или работали в одной мастерской год или десять лет назад.

Эта особая группа партии Анархистов не приемлет того утверждения коммунистов, что власть возникла из собственности. Наоборот, она считает, что власть ответственна за уничтожение подлинной собственности (т. е. собственности производителя на весь созданный им продукт). Они больше подчеркивают происхождение власти из создавшегося авторитета страха, свойственного человеческой природе. Их нападки главным образом направлены против идеи авторитета. Таким образом, материальная несправедливость как бы вытекает из заблуждений ума, что представляет собой полную противоположность взгляду социалистов.

Правда лежит не „между двумя“, а в синтезе двух мнений.

Анархический мутуализм является видоизменением программы индивидуализма, он придает больше значения организации, сотрудничеству и федерации рабочих. Здесь профессиональный союз является ячейкой, группой свободных сотрудников. Он устранил нужду в капиталисте, будет выдавать своим членам свидетельства об отработанном времени, возьмет на себя заботу о законченных продуктах, будет вести — через центральную федерацию — товарообмен с производящими группами, к общей выгоде, даст возможность своим членам пользоваться их кредитом и обеспечит их от потерь. Позиция мутуалистов в земельном вопросе тождественна с позицией индивидуалистов так же, как их понимание государства.

Существенная причина, объясняющая расхождения между индивидуалистами и мутуалистами, состоит, я думаю, в том, что индивидуализм возник в умах тех, кто — будь они рабочие или дельцы — вел так называемое независимое существование. Джозия Уоррен, хотя и был беден, но жил по способу индивидуалистов и проделал свой социальный

опыт свободной жизни в маленьких деревенских поселках, расположенных в большом расстоянии от крупной промышленности. Тукер также, хотя и был горожанином, но никогда не имел личного соприкосновения с промышленностью. Ни тот, ни другой никогда не испытали непосредственно на себе угнетающих впечатлений большой фабрики и никогда не вступали в рабочие союзы. Мутуалисты это делали, откуда их склонность к широкому коммунизму. Дайер Д. Лум провел большую часть своей жизни в устройстве рабочих союзов, сам будучи рабочим физического труда, по специальности переплетчиком.

Теперь я закончила краткую обрисовку четырех экономических систем, существующих среди анархистов. Помните, что все они сходятся в одном пункте: принуждения не должно быть. Те, кто сочувствует одной тактике, не имеют намерения принуждать тех, кто сочувствует другой тактике, поскольку равная терпимость проявляется по отношению к ним самим.

Помните также, что ни одна из этих схем не предлагается ради нее самой, но потому, что, по мнению ее составителей, путем данной схемы свобода может быть легче получена. Каждый анархист, как анархист, должен быть всегда готов отказаться от своей собственной схемы, если он видит, что другая схема оказалась лучше.

Что касается меня, то я думаю, что все эти схемы и многие другие могут с пользой быть испытаны в разных местах. Я хотела бы чтобы инстинкты и привычки народа находили себе выражения по свободному выбору каждой коммуны, и я уверена, что различная среда создала бы и различные формы приспособления.

Лично я, хотя и признаю, что границы свободы были бы значительно расширены на основе любой из этих систем, но откровенно признаюсь, что ни одна из них меня не удовлетворяет.

Социализм и коммунизм оба требуют такой степени объединения усилий и управления, которая не вполне совместима с идеальным анархизмом. Индивидуализм и мутуализм, построенные на собственности, предполагают развитие частной полиции, вовсе

не совместимой с жонки представлениями о свободе.

Моим идеалом были бы такие условия, при которых все естественные богатства были бы открыты для всех, и такой рабочий, который мог бы единолично провозводить все необходимое для его жизненных потребностей, если он того хочет, — так, чтобы он не вынужден был осваиваться в своей работе или отлысать с рабочими часами своих товарищей. Я думаю, такое время придет, но придет оно только путем развития способов производства и вкусов народа. Пока же мы все в один голос требуем свободы **п о п ы т о к**.

Остаиваются-ли на этом цели анархизма? Нет, это только начало. Это не более, как набросок того, что необходимо провоздителя материальных благ. Если вы, будущи рабочим, не ищите большего, чем собственное освобождение от ужасного ярма капитализма, то это и есть мера вашего анархизма. Но вы сами определяете границу, если здесь есть граница. Несравненно глубже, несравненно выше требования души, освобожденной от пленения привычкой и трусостью и смеющей требовать во имя своего Я.

О, хоть раз стоять бестрепетно на краю темного потока страстей и желаний, хоть раз смело и прямо заглянуть, наконец, в глубину вулканического Я, — хоть раз, и в этот единственный и последний раз, отбросить прочь запрет познания той бездны, — дать этому потоку подняться и разлиться, и своей силой потрясать вас. Раз навсегда понять, что мы — не связка хорошо изложенных рассуждений, сложенных в передней нашего мозга для нужд проповеди и содержащихся в порядке с помощью приписных истин и приводимых в движение или останавливаемых с помощью силлогизма, — а безднная глубина всяких страшных ощущений, бурное море чувств, где свирепствуют сильные бури необъяснимой ненависти и ярости, невидимые судороги разочарования, приливы низости, лицемерия и трепет любви, доводящей до безумия и не знающей удержу, голод, стоны и рыдания, поражающие наш слух, впервые готовый их услышать, как если бы вся грусть моря и все стелания великих лесов Севера соединились, чтобы рыдать в тишине, внятной толь-

ко Вам одному. Заглянуть в эту глубину, познать ужас, полночь, отжившие века в себе, чувствовать джунгли и зверя в них, — и болото, и безрадостную пустыню сердечного отчаяния, — видеть, знать, чувствовать с предельной остротой, — и потом взглянуть на человека, сидящего против вас, в вагоне трамвая, столь благолепного, чинного, тщательно расчесанного и намащенного, и задуматься над тем, что скрывается за этой шаблонной наружностью, — представить себе тайник в этом человеке, с какой-то узкой галлереей, ведущей в ваш собственный тайник, — вообразить боль, заставляющую его кусать себе пальцы в то время, как он сохраняет этот внешний вид мирной, только-что выглаженной сорочки. — постигнуть, как и он тоже трепещет внутренне, и страшится, и бегит от лавы своего сердца и непла в своем доме-тюрьме, боясь увидеть самого себя, — почтительно отступить перед входом во внутреннее Я самого обыкновенного, неинтересного существа, даже низко падающего преступника, с сознанием своей собственной преступности и своего ничтожества — отказаться от осуждения (сколько еще будет судов и приговоров?), зная, из какого материала создан человек и не ужасаясь ничему, ибо все это есть и в нас самих. — вот, что Анархизм мог бы означать для Вас. Именно это он означает для меня.

А потом, обратившись к облакам, к звездам, к небу, позволить своим мечтам свободно нестись к ним — не боясь более потусторонних сил — никого не признавая вышшим себя — рисуя и рисуя безконечные картины, создавая неслышанные симфонии с воображаемыми звуками, внятыми лишь вам одному, благожелательно глядя на безгласных животных, как на равных братьев — целуя цветы, как в дни детства, — нестись свободно, свободно за пределы того, что страх и привычка называют „возможным“, — все это Анархизм может означать для вас, если вы смеете так его понять. И если вы когда-нибудь это сделаете, если сидя за работой, вы узрите видение сияющей славы, картину того золотого времени, когда не будет больше тюрем на земле, ни голодных, ни бездомных, ни обвинителей, ни судей, и сердца будут открыты как страницы книги,

п откровенны как бесстрашие, если вы тогда взгляните на низкий лоб вашего соседа, в поту и грязи прокливающего свой труд, — вспомните, что вы не знаете глубины его души, ни величия его духа. Быть может, и он тоже мечтает об освобождении от ярма обычной, и закон и вера отпали от него. Даже теперь еще вы не знаете, какая слепая, связанная, неподвижная личинка созревает в нем, прежде чем развернуть свои крылья.

Анархизм означает свободу для души, как и для тела, — для каждого желания, для каждого стремления.

Несколько слов о методах. В прежние времена Анархисты исключали друг друга также по причине тактики. Революционеры презрительно называли „квакерыми“ миролюбивых людей, „дикие коммунисты“ в ответ предавали анафеме квакеров.

И это также проходит. Скажу так: каждый метод пригоден для соответствующей индивидуальной способности и взгляда.

Вот Толстой — христианин, непротивленец, художник. Его метод — рисовать картины общества как оно есть, показывать грубость и ненужность насилия, проповедывать отмену власти путем отвержения милитаризма. Прекрасно! Я принимаю этот метод целиком. Он отвечает характеру Толстого, его способностям. Будем радоваться, что он именно так работает.

Вот Джон Мост — старый, надорвавший силы на работе, отягченный годами тюрьмы, но все более резкий, едкий в своих обвинениях против правящего класса, проявляющий столько энергии, что ее хватило бы на белую дюжину молодых людей, идущий под гору своей жизни, но неустанно вызывающий к осознанию несправедливости, причиняемой людям. Прекрасно! Пробуждать сознание людей необходимо. Да будет долго еще звучать этот пламенный призыв.

Вот Бенджамин Тукер, — холодный, сдержанный критик, посылающий свои остро отточенные стрелы друзьям и врагам с ледяным беспристрастием, бьющий сильно и метко, — всегда готовый пригвоздить предателя. Придерживаясь тактики пассивного сопротивления, как наиболее действительного средства, он готов изменить эту тактику, как только это окажется нужным. Это отвечает его осо-

бенностям, в своей области он единственный, неоценимый.

А вот — Петр Кропоткин, обращающийся к юношеству и глядящий светлым, теплым, любящим взглядом на каждое начинание, приветствующий с детским энтузиазмом воостания рабочих и верящий в революцию всей душой. Ему мы тоже благодарны.

И вот Джордж Браун, проповедующий мирную экспроприацию с помощью федерации профессиональных рабочих союзов. И это также хорошо. Это — его настоящее место. Он здесь — дома. Больше всего он может сделать на им самим избранном пути.

А там, в Италии, в гробу лежит человек, методом которого было — убить короля и потрясти нацию внезапным сознанием никчемности ее закона и порядка. И его, и его действия я принимаю без оговорок и склоняюсь в молчаливом признании силы этого человека.

Ибо есть люди, рожденные для того, чтобы мыслить и проповедывать, уступать и вновь возвращаться к своей проповеди, и так прокладывая себе путь в умах людей. Есть другие, суровые и спокойно-решительные, неутомимые, как мечта Пуды о Боге, — и эти люди наносят удар — один только удар — и конец. Но их удар гремит на весь мир. Как в грозовую ночь, когда молния разрезает небо и все предметы ярко освещаются, так при выстреле револьвера Бреши весь мир на минуту увидел трагическую фигуру итальянского народа, голодного, обманутого, искалеченного, униженного, убиваемого. И в тот самый момент, когда зубы их стучали от страха, они пришли и стали просить Анархистов объясниться. И сотни тысяч людей больше читали в те дни о наших идеях, чем когда-либо прежде.

Вы спрашиваете о методе? Но разве вы спрашиваете о методе у весны? Что нужнее — сияние солнца или дождь? Это — противоположности, да. Они уничтожают друг друга, да. Но из этого уничтожения возникают цветы.

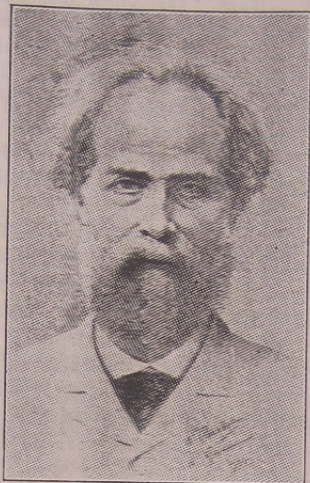
Каждый выбирает тот метод, который лучше выражает его личные особенности. Не осуждайте другого человека только потому, что он на свой лад выражает свое Я.

Вольтерина де Клэйр.

ПАМЯТИ ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ

(1830-1905)

Статья М. НЕТТЛАУ, написанная для „Пробуждения“

ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ

100-я годовщина рождения Элизе Реклю (родился в Сент Фуа ла Гранд, Дордонь, на югозападе Франции, 15-го Марта 1830 года, умер в Туру, Бельгия, 4 Июля 1905 г.) повсюду напоминает товарищам о смерти этого человека, столько сделавшего для анархизма. Многие среди нас еще помнят его, как самого, быть может, симпатичного среди всех наших политических друзей, как самый светлый ум и самое чистое сердце.

Молодому поколению он знаком гораздо меньше, чем того заслуживает. Однако, его уже вновь начинают изучать, ибо в нашей среде есть немало людей, убежденных, что то, что он говорил, имеет непреходящее значение и вовсе не устарело. Произведения, написанные им сознательно в анархическом духе, обнимают период от 1851 года до дня его смерти в 1905 году.

Русские товарищи не забыли, конечно, что 6-го февраля 1905 г. Реклю, которому грозила серьезная опасность от припадков грудной жабы (от которой он и скончался пять месяцев спустя), все же оставил свою

спокойную квартиру в Брюсселе, чтобы принять участие в митинге, организованном в Париже в пользу жертв расстрела петербургских рабочих у Зимнего Дворца. Собираясь на этот „Митинг протеста против петербургских расстрелов“, он писал Кропоткину: „..... Товарищи обратились ко мне с просьбой сказать речь о Русской Революции. Увы, я должен был-бы говорить о ней огненными словами, а могу только кашлять. Но я вложу в эту речь всю мою душу.....“

Кропоткин, в письме, которое показала мне сестра Реклю, Луиза, написал ей 30 Марта 1908 г., посылая ей некоторые из писем Реклю: „Среди этих писем одно отмечено печатью высшей красоты. Это то письмо, которое он написал, отправляясь в Париж. Я плакал, читая его. Его позвали, и он, этот умирающий человек, поехал....“

Когда Реклю начал читать свою тщательно написанную речь, — сохранившуюся и напечатанную в 1906 г., — то едва он успел произнести несколько слов, как с ним сделался сердечный припадок. Это сломило его, и

он уже никогда больше не выступал публично. Рукопись была прочитана одним из товарищей.

Все же, Реклю не прекращал работы вплоть до смерти, — разве уж когда лежал без сил, разбитый болезнью и припадками. Как раз в это время он начал печатать свое великое произведение „Человек и Земля“, 6 томов, содержавших свыше 3000 больших страниц, и закончившихся печатанием лишь в 1908 г. Он занимался также и другими работами, опять поехал в Париж в связи с выпуском упомянутого большого труда, но после указанного русского митинга уже не появлялся публично. Таким образом, этот человек, осенью 1864 года вступивший в тесный кружок бакунинского „Международного Братства“, сорок лет спустя отдал одну из последних частиц своих угасающих сил — подымавшейся Русской Революции. В письме к Кропоткину он писал: „это — как раз такой случай, когда человек может сказать: „Революция грянет“. Реклю ясно понимал, что Революция развертывалась, ибо в его речи 6 февраля есть хорошо продуманное место, где он указывает, что Русская Революция, подобно французской, несомненно явится одной из величайших эпох в истории человечества, и что вся Россия будет потрясена, вплоть до последней избы. Последний месяц его жизни был услажден этими вестями о подъеме волны русского движения, а вести об этом приходили к нам почти каждый день. Официальная Франция была сильно встревожена этими вестями, но Реклю, бывший свидетелем революции 1848 и 1871 г. г., был счастлив видеть занимающуюся на горизонте зарю новой Революции.

Реклю и родился в революционном 1830 году, за несколько месяцев до Июльской Революции в Париже. Хотя эта Революция и разочаровала народ в его республиканских и начинавших зарождаться социальных чаяниях, все же она положила конец периоду военной диктатуры 1799 - 1815 г., конец империи Бонапарта и росту влияния иезуитов и абсолютизма, которое все время возросло при двух последних королях из рода Бурбонов, с 1814 по 1830 г. Чисто буржуазный режим при Луи Филиппе, от Июля 1830

до февраля 1848, оказался жалким концом борьбы и возмущения поднимавшейся буржуазии против старого режима. Эта ожесточенная борьба, начатая в 1789 г., свергла старый режим — феодализма — и обеспечила обществу строй умеренного либерализма, вызвавший к жизни открытую пропаганду республиканских и социалистических идей, не только во Франции, в начале тридцатых годов, но и в Англии, Германии, Италии, Швейцарии и др. странах. В эти годы был проведен закон о Реформе 1832 г., пала абсолютная монархия в Испании, стало развиваться движение Мазини и другие революционные движения в Италии. Все эти события привели к уничтожению значительных остатков старого режима, еще сохранившихся до того времени, и с устранением их общественные движения позднейшего периода стали развиваться в относительно лучших условиях. Короче говоря, после бурного революционного периода, после периода диктатуры революционных комитетов, за которой последовала диктатура военных вождей, режим Бурбонов и реакция, сдерживаемая лишь тайными обществами, заговорами и сопротивлением части либералов, — все эти призраки внезапно исчезли или приняли новую форму. Преследования республиканцев, социалистов и организованных рабочих были, вне сомнения, попрежнему жестоки, но были все же промехуточки, когда пропаганда развивалась со свободой и полнотой, дотоле небывалыми.

В те годы промышленность и пути сообщения приняли совершенно новый вид, благодаря развитию машинного производства, железных дорог и пр., а также вследствие выросшей силы объединенного капитала, национального и интернационального.

Элизе Реклю вырос как раз в течение этого бурного периода. Хотя он, в качестве сына протестантского священника, и жил вдали от деловой жизни, в захолустной местности, где все жители были виноделы, к западу от Бордо, но шум борьбы доносился и туда. Воспитание он получил в пансионе так называемых „Моравских братьев“, в Ньювиде на Рейне, где находился и брат Элизе, Эли. Учителя были немцы, ученики по большей части, англичане или голландцы, и то-

лько Элизе и Эли были французы. Дома, где вместе с Элизе жили его четыре брата и семь сестер, родители воспитали в нем строгую честность, прямоту, настойчивость, прилежание и скромные, простые привычки. Но отец и мать Реклю подпадали под влияние строжайшей веры в Библию, стали суровыми и строгими ортодоксами, и детям пришлось самим освобождаться от духовного ярма, грозившего всем им. К счастью, это и было сделано сначала Эли (родился в 1827 г.) и Элизе, а потом и всеми остальными детьми. К счастью также, родители никого не принуждали: их религиозная доктрина учила их признавать только избранных и отвергнутых, — тех, на ком почивает милость их Бога, и тех, кто ей лишен. Сами они причисляли себя к избранным, но дети, хотя и делали попытки, но не смогли внушить себе, что и они принадлежат к избранным. Родители оплакивали эту греховность своих детей, но поделать ничего не могли и примирились с этим положением. Так как все члены семьи очень любили друг друга, то положение часто становилось мучительным, но зато дети рано научились умению быть независимыми в своих убеждениях и терпимыми к чужим взглядам.

Тем не менее, и Эли, и Элизе согласились с отцом, желавшим, чтобы они изучали протестантскую теологию. Оба были убеждены в существовании Бога и всего прочего, хотя и не верили в строгие доктрины отца — пастора. Пока же, вернувшись из Ньюида и поступив в гимназию в своем родном городе, (где и пробыли до 1847 г.), оба брата держали себя весьма независимо, много читали по собственному выбору, имели кружок друзей. Почти не приходится сомневаться, что уже в то время они читали передовую политическую и социалистическую литературу и были целиком на стороне всего прогрессивного, за исключением религиозных вопросов, ибо в то время книги по естественным наукам и критика религии еще не успели оказать на них влияние.

Последнему факту не следует удивляться, ибо как раз в те времена значительная часть социальной литературы во Франции была проникнута религиозными настроениями, подобно знаменитым сочинениям Ламен-

из, а социализм вдохновлялся Нагорной проповедью и писаниями Отцов Церкви, как основными источниками. В других отношениях социалистическая литература тридцатых и сороковых годов была очень богата, разнообразна и красноречива. В произведениях Фурье и Прудона излагались места либертарные и даже анархические взгляды, и даже некоторые из авторитарных писателей, как Сен-Симон, Пьер Леру и другие, придерживались широких воззрений, в то время, как государственный социализм школы Луи Блана был всего только особой доктриной среди многих других и имел сильный противовес в произведениях теоретиков ассоцианистов и федерационистов, как Пекер и другие.

Имели ли наши двое юношей доступ к такой литературе в своем захолустьи? Прямых указаний на это нет, но в прошлом году сын Эли, Павел Реклю, которому теперь 72 года, с точностью установил тот факт, что в те годы в том же захолустьи, что и семья Реклю, жил человек, обладавший замечательной библиотекой по социальному вопросу. Было бы невероятно, чтобы два мальчика, бедно искавшие книг и слишком бедные, чтобы покупать их, живя в таком маленьком городке, не были осведомлены о такой груде книг в руках убежденного социалиста.

Так или иначе, ставши студентами теологии протестантского университета в Монтобана, Эли и Элизе с энтузиазмом следили за событиями революций 1848 - 49 г. г., а Элизе одно время даже собирался присоединиться к Кошуту и его венграм в их отчаянном сопротивлении австрийской и русской армиям. В 1849 г. братья почти оставили университет, поселились на горе, читали и обсуждали там социалистические и философские произведения. Иногда они отправлялись на юг, чтобы увидеть море. Они и их друзья, по всей вероятности, были связаны с местными разветвлениями демократической борьбы против Луи Наполеона, которая привела к поражению революции 13 Июня 1849 г. и к преследованиям и судебным расправам в провинции. Короче говоря, дальнейшее пребывание двух братьев в университете стало почти немислемым, и университетские власти сочли необходимым очистить университет от

опасных элементов, изгнав оттуда обоих, — впрочем, как говорят, они сделали это не по собственной инициативе, а под давлением правительства.

Эти обстоятельства определили карьеру Элизе, который с того времени стал жить собственным трудом, путем преподавания французского языка. Он получил должность в Ньювиде, в школе Моравских Братьев, и провел там год (1849 - 50). Это было для него время скучной, монотонной работы в уединении, и здесь был положен конец его занятиям теологией. Он жадно стал искать живого знания. География — в самом широком смысле этого слова — всегда привлекала его к себе. Элизе носился с планами путешествий, особенно в тропические страны. Он хотел поселиться в новой стране, вместе со своими братьями и друзьями. Будучи очень беден, он должен был сам пробивать себе дорогу. Вскоре он поехал учиться в Берлинский университет, в первой половине 1851 г., и продолжал там жить уроками. В Берлине он слушал лекции профессора Риттера, одного из самых знаменитых, умных и ученых географов 19-го века, который поднял эту науку на небывалую высоту, и притом именно своим толкованием взаимозависимости всех фактов жизни природы и человека на земле, — толкованием, которое Реклю довел позднее до такого совершенства.

Прервав затем слушание лекций, Реклю отправился домой пешком, сопровождаемый в этом путешествии своим братом Эли. Они прошли Францию от Страссбурга до Монтобана и затем до Ортеза, у Пиренеев. Вероятно, Элизе провел несколько недель в Монтобане со своими университетскими друзьями, осенью 1851 г. К этому времени относится, повидимому, рукопись, которую он много лет спустя датировал: „Монтобан, 1851“, — обширный очерк под заглавием: „Развитие свободы в мире“.

Этот очерк был напечатан только в 1925 г. Разбор его доказывает, что молодой Реклю не только с восторгом следил за ходом борьбы за свободу, борьбы оживившейся в 1848 и 1849 г. г., потерпевшей жестокое поражение, но не сложившей оружия. Из этого очевидно, что Элизе и сам стал сознатель-

ным социалистом и анархистом. Он уже тогда создавал, что социализму грозит опасность авторитарного перерождения. Он пишет:

„...Если социализму суждено найти свое полное осуществление, если он подлинно станет идеалом общественного устройства для человека, то он должен уметь защищать права отдельной личности и права всех. Каждый член объединения людей должен свободно развиваться, согласно своим средствам и способностям, без всякой помехи со стороны массы своих братьев. В то же время, достоинство всех должно облегчать труд каждого. Не которые коммунистические группы, восставая против существующего общества, думают, повидимому, что люди должны поглотиться коллективом, что каждый отдельный человек должен быть не более, как одним из бесчисленных щупальцев полипа, передвигающегося по своей скале, или каплями воды в океане, или волной во время шторма. Они жестоко заблуждаются: человек — не случайная вещь, а свободное, необходимое и активное существо, которое соединяется с себе подобными, но не сливается с ними“.

И еще в другом месте: „... Итак, подводя итоги, можно сказать, что наша политическая цель в каждой отдельной нации — уничтожение привилегий аристократии, а на всей земле — соединение всех народов воедино. Наше назначение — достигнуть такого состояния идеального совершенства, когда ни одному народу не придется более быть под охраной своего правительства или другого народа. Это — отсутствие правительства, анархия, высочайшее выражение порядка. Тот, кто не верит, что на земном шаре можно жить и без охраны, тот не имеет веры в прогресс, он — реакционер“.

Даже в те бурные 1848-49 годы и в период событий 1850-51 годов во Франции, до удушения Республики Луи Наполеоном, страным было употребление слова „анархия“, которым Реклю пользуется в своих заметках для выражения своих политических воззрений. Так как общественное мнение далеко не было подготовлено к свободе, то революционный период 1848-51 г. г., подобно периоду 1789-1794 г. г., ознаменовался чрезвычайным усилением государственной власти.

Почти все передовые агитаторы говорили народу, что все дела должны были делать парламент, государство и муниципалитеты, а на долю народа оставалось только одно дело — стоять подле них и терпеливо ждать, пока спасение не придет свыше. Но спасение не приходило. Один только Прудон предостерегал теоретиков социализма и коммунизма от пренебрежения свободой и смело проповедывал анархизм. (1840 г.). Он был почти единственным, кто предостерегал против злоупотреблений и неспособности бюрократии, в 1848 и 1849 г. г. Его „Исповедь Революционера“ (1849) дает уничтожающий анализ продажного бюрократизма, подорвавшего силы февральской Революции 1848 года и приведшего к расстрелу парижских пролетариев в Июне.

Реклю, конечно, не мог не знать всего этого. Следует поставить только знак вопроса вот над чем: знал-ли он другого активного анархиста, по имени Белльгарит, который с Марта до Декабря 1849 г. издавал в Монтобане ежедневную газету „Цивилизация“, в которой стоял за анти-государственность, за анархизм, почти в каждой написанной им статье? Позднее, в апреле и мае 1850 г., он же стал издавать в Париже „Анархию, Журнал Порядка“. Так как упомянутый выше город Монтобан расположен в сфере влияния Тулузы, в том смысле, что Тулуза — ближайший к нему большой и значительный город, то можно предположить, что „Цивилизация“ была известна Реклю в 1849 году. От одного из названных писателей — или от обоих — он заимствовал термин „анархия, высшее выражение порядка“.

Я останавливаюсь на всех этих подробностях потому, что идеи, которые Элизе Реклю усвоил в 1849 г. и выразил в 1851 г., он исповедывал потом всю жизнь. Все говорит за то, что он выработал эти идеи самостоятельно, или, что еще вероятнее, в тесном сотрудничестве с братом Эли. Он не мог заимствовать свои социальные идеи от Прудона, как не мог заимствовать свои анархические воззрения из тогдашней социалистической литературы. Он не видел удовлетворения ни в том, чтобы стать на сторону свободы и мутуализма, ни в том, чтобы войти в ряды вла-

сти и социализма: — из обеих систем он выделял то, с чем был согласен, и стремился к сочетанию социализма и свободы. Такое сочетание в те времена было редкостью. Независимо от других влияний оно возникало впрочем, в „Гуманитарной группе“ 1841 г. (Жан Жозеф Мэй), в писаниях Жозефа Дьюка, Эрнеста Кердуга и очень немногих других, как последнее разочарование в событиях 1848-49 г. г., развертывавшихся под влиянием государственных идей.

Реклю стоял тогда за общительность и солидарность, но он равным образом стоял и за свободу, за соединение обоих принципов во имя высшего удовлетворения личности и высшего блага общества. Свобода и солидарность были для него существенными факторами во всем. Его свободолюбивый коммунизм вытекал из применения свободы к экономике: — не должно быть никаких пределов ни для производительной деятельности личности, ни для ее прав на удовлетворение своих потребностей. Таким образом, его анархизм основан на применении свободы к тому, что называется административной и политическим управлением: эти учреждения не имеют права претерпевать чуждым желаниям личности действовать и пользоваться свободой, они не должны разрешать свободу и делить ее на порции. Свобода и общественное владение вещами на всем земном шаре — составляют неделимое, коллективное наследство человека, и любимой идеей Реклю было то, что объединение людей, путем сращения, слияния, сращения, приведет к всеобщему объединению, к установлению тройной и неделимой елиптиды (свобода, общественное владение, человечность).

Возможно, что первоначально эти взгляды были основаны на том, глубоко прочувствованном, воззрении на единство людей, которому учит религия. Затем эти идеи стали развиваться на почве изучения географии, знакомства с учениями об универсальности и солидарности в философской и социалистической литературе. Еще позднее на них повлияли социальные стремления, жившие в каждой европейской стране в период 1848-1849 г. г., и шедшая повсюду борьба за свободу. На основе всего этого Элизе Реклю и выработал на всю жизнь свои убеждения, незави-

симо — или, быть может, вместе со своим братом.

Нет сомнения, что оба брата были чрезвычайно одинокими в своих взглядах, хотя не следует представлять себе, что они были оторваны от жизни передового общества. От прогрессивных слоев его они никогда не отрывались. Они никогда не теряли из вида современного положения вещей и никогда не ограничивались распространением своих личных взглядов.

Все это поднимает Реклю над уровнем заурядных пропагандистов и отводит ему не совсем обычное место среди активных анархистов.

Эволюция и революция не являются противоположностями, а ритмами прогресса, которые определяются существующими условиями и меняются, но не заменяют друг друга. Подобно тому, как Ниагара находится там, где ее создала природа, а не сотнями миль выше или ниже, — подобно тому как Миссисиппи и Миссури никогда, вероятно, не превратятся в Ниагару, — подобно этому и прогресс движется в разнообразных формах и по различным руслам и может развиваться ускоренным ходом и превратиться в революционный поток, но может и не принять такой формы. Это означает, что мы должны содействовать ему всеми способами, удаляя с его пути препятствия, мешая ему отклониться с пути, и пр. Проявлять такую деятельность в наше время не менее важно, чем оказывать в надлежащем месте и быть активным в час последней борьбы.

Братья Реклю были готовы к действию после государственного переворота 2-го декабря 1851 года, и за это были высланы из их родного городка Ортеза и отправлены в ссылку. В шестидесятых и семидесятых годах они состояли членами тайных революционных обществ пропаганды, вошли также в бакунинское „Международное Братство“ в 1864-69 г. г., защищали Республику после сентября 1870 г. и Коммуну в марте 1871 г. После этого Элизе пришлось пережить ряд заключений в течение года и побывать в две надцати отвратительно содержавшихся тюрьмах, а затем отправиться на многие годы в изгнание. Эли тоже был изгнан. В 1894 г.

братья снова подверглись преследованиям в Париже и предпочли провести остаток своей жизни в Бельгии, где Эли умер в 1903 году, а Элизе в 1905-м.

Таким образом, Элизе пришлось провести 36 лет — почти половину своей жизни — в добровольном или вынужденном изгнании. Он не только боролся, но и принимал участие во многих благородных задачах умственного, нравственного и общественного прогресса и оказывал помощь анархическому движению с момента, когда оно впервые стало проявляться.

Это сочетание самой стойкой борьбы за свои либертарные идеи и идеалы с умением разумно сотрудничать с деятелями прогресса, ставящими себе более узкие, менее возвышенные задачи, — не всегда оценивалось даже лучшими из наших борцов, наделенных более пылким темпераментом.

Когда Реклю и Бакунин встретились в 1864 году, и Элизе, вместе с Эли, вступили в тайное революционное общество, у Элизе были более совершенные воззрения на анархизм, чем у Бакунина. Однако, не имея перед собой иного поля для действия во Франции (где он жил с 1837 до 1871 г.), он сотрудничал с прогрессивными людьми, подготовлявшими падение Империи Наполеона III-го, и не сосредоточился на социально-революционной работе, которую вел Бакунин. На Бернском конгрессе 1868 г. наиболее яркая речь в духе анархизма была произнесена именно им.

В 1871 году Бакунин писал: „..... Два брата Реклю, два самых ученых и, в то же время, самых скромных, самых благородных, чистых, безкорыстных человека, каких я когда-либо встречал. Своим принципам они преданы с религиозным рвением Соединенные общими убеждениями, мы почти всегда расходились в вопросе о способах осуществления этих принципов...“

В 1872 г. Бакунин имел несколько встреч с Реклю и понял, что после опыта Коммуны Реклю уже не склонен был помогать тем, с кем он готов был сотрудничать в период 1851-1870 г. г. для создания хотя бы радикальной республики, как основы социального прогресса. И в письме от 11 Января 1873 г. Баку-

нин пишет: „... наши взгляды все более и более сходятся. Реклю — образец человека: такой чистый, благородный, простой, самоотверженный. В нем, быть может, нет настоящего задора, но это уже вопрос темперамента.... Он драгоценный друг, верный, вполне надежный, очень искренний и целиком наш“. Позднее Бакунин рассчитывал поручить Реклю пересмотр своих „Воспоминаний“ и „Изложения моих взглядов“, но книги эти, к несчастью, остались ненаписанными. В последнем письме, которым они обменялись в период, когда потусквели их революционные чаяния — в 1875 году — Бакунин возлагал свои надежды на возникавшее в то время анти-религиозное движение. Он заявлял, что с его точки зрения духовное порабощение посредством религии — еще худшее зло, чем внешнее порабощение посредством государства.

Что касается Реклю, то он связывал свои надежды с прогрессом науки. В настоящее время, когда линия прогресса еще сильнее опустилась вниз, чем в то время, можем ли мы верить в свободную мысль, когда „фундаментализм“ витает над ней, когда ученые соперничают друг с другом в изобретении ядовитых газов? Тем не менее, мы хотим и будем надеяться. Мы знаем, что существуют периоды упадка, движение вспять, но за ними следует порыв вперед, и наступит день, когда прогресс создаст себе прочную точку опоры и новый базис для нового продвижения.

После 1871 г. Реклю потерял веру в полезность широкого сотрудничества с республиканцами, но еще в течение десяти лет после того он не отказывался от работы с теми, кто стоял за Коммуну, а также со всеми анти-авторитарными социалистами. Сам он очень ясно излагал идеи коммунистического анархизма, как свой идеал. Это была новая теория для того времени, когда за коллективистический анархизм стояли все члены Интернационала, за исключением небольшой группы Дюмартреуа и его товарищей в Женеве.

С изложением своих взглядов Реклю выступил на митинге 18 марта и на конференции в Лозанне в 1876 г., но он не сделал дальнейших шагов для распространения сво-

их взглядов, своего экономического истолкования анархизма, к которому он пришел еще 25 лет тому назад. Наоборот, когда он, вместе с другими, основал ежемесячный журнал „Рабочий“ (выходил с мая 1877 до апреля 1878 г. в Женеве), то этот журнал, будучи определенно анархическим в общепринятом смысле слова, был, однако, открыт для инакомыслящих сотрудников и готов был к дискуссии со всеми желающими.

В то время Кропоткин впервые посетил Реклю в его доме в Вева, в начале февраля 1877 г., и встретил его среди Юрских товарищей. Но эти отношения не шли далее общепринятой среди ученых любезности и обычной среди анархистов дружбы. Кропоткин, под влиянием некоторых непримиримых Берна и Ньюшателя, а также и своей собственной непримиримости, был — как я уже показывал ссылкой на его письмо, написанное весной 1877 г. — безусловно против такой политики „открытых дверей“ и отказался сотрудничать в „Рабочем“.

В течение трех лет контакт между Реклю и Кропоткиным и сотрудничество их были незначительны, до тех пор, пока „Револьте“, издававшийся Кропоткиным в Женеве, не добился признания в 1879 г. Реклю пригласил тогда Кропоткина погостить у него и поселиться на время по соседству для участия в научной работе над шестым томом — („Азиатская Россия“) — „Географии“. Это было сделано в 1880 г. в Кларансе и там же завязалась и окрепла настоящая дружба между двумя учеными.

В указанном году вопрос о коммунистическом анархизме, о котором до того мало говорилось (если не считать того, что Итальянская федерация приняла его на конгрессе во Флоренции в (1876 г.), был поставлен перед Юрской Федерацией при обстоятельствах, которые Кропоткин описал в письме ко мне от 13 Мая 1895 г. (на английском языке):

„... У нас, членов Женевской группы, вместе с Элизе Реклю, было решено поставить этот вопрос на конгрессе в Шо-де-фон в 1880 г. и предложить членам Юрской федерации объявить себя коммунистами. Я считал этот шаг безусловно необходимым и на-

писал об этом Реклю и Кафiero, прося их поддержать это предложение. Я должен также сказать, что в то время мы совершенно ничего не знали о резолюции Итальянской федерации (на конгрессе 1876 г.), — иначе мы сослались бы на это решение для подкрепления нашего предложения....“

Начиная с того времени, анархизм, как понимал его Реклю еще в 1851 г., стал более широко распространяться, но остались и другие течения, как это показывает пример Испансии в течение следующих десяти лет. Сделанный шаг был, таким образом, желателен для Реклю, не предпринят он был не по его почину, как о том свидетельствуют письмо Кропоткина и другие документы.

Вера Реклю в возможность коммунизма была безгранична, ибо он знал, какие ресурсы хранит в себе земной шар, и что могут сделать с их помощью солидарно и безкорыстно действующие люди путем применения разумных методов. Он также знал, что для солидарных, безкорыстных и разумных людей коммунизм был бы наиболее приятным, удобным и практичным способом создания друг для друга удобной жизни. Он делал все, что мог, чтобы привлекать, воспитывать и поддерживать таких людей. Но он, работавший всю свою жизнь, лучше многих других знал, что именно необходимо для продуктивной работы: — прежде всего прочего, необходимы знание, прилежание, точность,

настойчивость, высокий уровень развития и взаимное доброжелательство. Эти качества и привычки, чувство солидарности, почин и работа мысли, независимость в человеке — все это должно содействовать революционной борьбе, а позднее — революционному строительству.

Реклю все это ясно видел, и если не относился отрицательно к тактике многих товарищей 80-х и 90-х годов, веривших в кратковременные вспышки и быстрые успехи, то это было опять-таки вследствие его убеждения, что все прогрессивные силы могут сотрудничать между собой, что безусловных правил тактики не существует, что каждый порыв приводит к некоторому результату, — короче говоря, что прогресс не может регламентироваться по желанию, как это пытались

делать республиканцы до 1871 г., Коммуналисты и все анти-государственники до 1880 г. По этим соображениям Реклю принимал теперь всякую разновидность анархизма, — но эта широта его взглядов вовсе не означала, что он готов был оправдывать все способы действия.

В этом отношении, мне кажется, он дал нам один из лучших примеров. Помимо Вольтеррины де Кляйр и немногих других, только самые известные из анархистов оставили нам подобные примеры.

Реклю видел, что стоящая перед нами задача огромна, что всякая искренняя помощь желательна, что мы не можем позволить себе спорить, убеждать или диктовать какую-нибудь одну единственную программу, развивать в своей среде дух исключительности, если искренность и честность сотрудников доказана.

Социальные перемены по пути к свободе отличаются от быстрых политических перемен в истории. Русский пример показал, что когда быстрая политическая перемена приводит в власти одну единственную торжествующую партию, то эта партия все хочет делать сама и по своему, оттесняет все другие политические партии и течения общественной мысли, и в конце-концов становится бесцельной, ибо основывается на одной только непрерывной диктатуре. Таким образом, самая широкая интеллектуальная и моральная подготовка разнообразных творческих сил становится необходимой для того, чтобы построить истинную свободу.

Произведения Реклю показывают дорогу в этом направлении. Нет ничего более вдохновляющего и поучительного, чем его труд „Человек и Земля“, где антропология, история, социология ярко освещены ясным пониманием основных линий человеческого прогресса — от невежества к знанию, от рабства к свободе, от взаимного истребления к взаимному доброжелательству.

Под впечатлением смерти Реклю, Кропоткин написал о нем в 1905 г.: „... Это был анархист до мозга костей... Мысль о том, чтобы кем-нибудь управлять, никогда ему и в голову не приходила: он не выносил даже малейшего намека на дух властвования. Для

него, так хорошо знавшего жизнь народов, разбросанных по всему земному шару и дающих картину ступеней развития человечества. — для него, так ясно представлявшего себе мученический путь пройденный человечеством, — для него анархия не была только мечтой влюбленного. Для него анархия была окончательным решением, краеугольным камнем истории человечества и науки: цель, которая так же непоколебимо установлена, как та звезда, к которой стремится в настоящее время наша солнечная система, и как сама природа, чудесная природа, которую он так же любил, как любил ее Гете и Шелли... Он ни разу не уклонился от своего пути под влиянием суеверных взглядов, внушаемых страхом перед воображаемым загробным миром...."

„Еще одна особенность Реклю: — он считал, что идеал должен осуществляться сегодня. Лицемерие деспотов, заставляющее их говорить: „идеал хорош для завтрашнего дня, а сегодня властвовать буду я“, — это лицемерие было ему чуждо. Изучение природы, истории и человека под всеми широтами и во всех веках, привело его к тому, что он увидел в человеке — в его духе и в его личности — продукт среды. Анархия была понятна им, как сила, развивавшаяся на протяжении тысячелетий. Поэтому анархия не была для него пустым словом или благим пожеланием. В анархии он видел наилучший и сейчас уже путь к устройству жизни без господства одного человека над другим. Он применял этот способ жизни повседневно, и если бы ему вновь пришлось очутиться среди восставшей Коммуны, его лозунгом было бы: „открытая, последовательная, смелая, а потому победоносная Анархия!....“

Эти глубоко прочувствованные слова Кропоткина, относящиеся к прогрессирующей

через века силе, говорят об одной из двух сил, действительно присущих каждому организму, а именно: об объединяющих и индивидуализирующих тенденциях. Социальная взаимозависимость и индивидуальная свобода живут в каждом организме и стремятся приспособиться в согласии с особенностями организма. Подобно тому, как все растения являются гелиотропическими, т. е. всегда обращаются к солнцу, так и каждый организм, как бы ни был он спаян с другими, всегда стремится к самостоятельности, является элевтеротропическим, если можно так выразиться. Растение, попавшее в тень, растущее без солнца, не может быстро развиваться, не может пышно развернуть свою красу, и если будет слишком поздно поставлено на солнце, то уже не сможет развиваться, или разовьется слабо и несовершенно. Подобно этому, современные и будущие люди, погруженные во мрак наших дней, попросту не смогут развернуть свои силы, когда внезапно будут поставлены перед ослепительным светом Революции. Они будут послушно идти по указке тех, кто вырастет при более благоприятных условиях. Поэтому работа над осуществлением анархии не должна прерываться, анархия не должна считаться невозможной в наши дни, и не следует считать, что ее легко будет осуществить после насильственного удаления некоторых препятствий. Нет, здесь требуется очень напряженная непрерывность усилий, и спокойная, упорная, неустанная работа Реклю на протяжении всей его жизни, его готовность к действию (ибо он был всесторонне подготовлен для действия) — пример, который — освеженный в нашей памяти воспоминаниями по случаю годовщины — должен стоять перед всеми нами.

М. Наттлау.

6 Апреля 1930.

ПРЕДИСЛОВИЕ А. Р. К КНИГЕ ЖАН ГРАВА „АНАРХИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ВО ФРАНЦИИ В ЭПОХУ ТРЕТЬЕЙ РЕСПУБЛИКИ“.

Жан Грав! У всех, чья молодость была связана с полным огнем социальным движением 1890-1910 г.г., это имя вызывает в памяти ту волну бурного идеализма, которая

захватила целое поколение интеллигенции и рабочих и сблизила их друг с другом в благородном стремлении к лучшему обществу.

Пусть, стремясь построить его, строи-

тели жестоко сталкивались между собой, пусть кажущийся беспорядок открывал ряды для шарлатанов, пусть теоретики временами вынуждены были смиряться перед смешными ультиматумами, — уже сами по себе эти столкновения говорят о жизненной силе учений, заражавших страстью умы в течение двадцати лет, чтобы закончиться всеобщим признанием банкротства лучших чаяний в крови и ужасах.

**

Детство Жан Гравы было обычным детством большинства детей народа. Родившись в 1845 г. в Брейле (Франция), он приехал в Париж и сел на школьную скамью. Его родители занимали одну комнату на улице Св. Женеьевы, теперь перименованной в улицу Турнефор. Будущий анархист был тогда маленьким, тихим мальчиком, чрезвычайно застенчивым (застенчивость эту он сохранил на всю жизнь), волнуемым яркими мечтами и меняющимися желаниями, свойственными детству. Как и много других, он не знал иных семейных радостей, кроме ежедневных наблюдений, как отец, встав на рассвете, возвращался вечером онемевший от усталости и в дурном настроении. — или как его хрупкая мать, под гнетом тяжелой жизни и нездорового помещения, медленно приближалась к могиле, — как росла его маленькая сестра, лишенная забот матери, прикованной к постели. Обычный ряд страданий, делающий из молодежи бунтарей или побежденных.

Работая то у механика, то у кузнеца, то у сапожника, маленький Грав вел тяжелую жизнь ученика. Ласмешки товарищей и неловкие приказания хозяев научили его большему, чем могут научить философы. Прямодушный по своей природе, он ненавидел несправедливости и произвол, и позднее, когда эти настроения соединились с основательной начитанностью о несправедливости общественного строя, основанного на стремлении к наживе, он окончательно стал бунтарем.

Он пережил Коммуну вместе с отцом, который был в числе восставших. Спустя год, он потерял, одну за другой, мать и сестру, за которыми ухаживал до последнего дня. Потом он стал солдатом. В книге „Великая семья“ он изложил все, что пережил в рядах

армии, излил всю свою ненависть. Кто может осудить его за это, если даже буржуазные писатели, как Люсьен Декав и Абель Эрман написали такие проникновенные и потрясающие обличения, как „Кавалер Мизере“ и „Унтер-офицеры“?

Уволенный в запас, Грав вернулся в Париж и стал искать единомышленников. Вместе с ними он создал очаг активной пропаганды в виде „Кружка самообразования“ в 5-м и 13-м округах Парижа и стал его секретарем. Грав поставил себе целью создать анархическую партию. Эта партия, парадоксальная по внешности, была, тем не менее, тем идеалом, которого он хотел достигнуть. Здесь надо упомянуть о великих именах: Каффьеро, Черкезов, Малатеста, Кропоткин, Элизе Режю, апостолы анархии, своим словом, своим делом пришли на помощь молодому пропагандисту.

В этой книге читатель встретится с этими большими людьми, изображенными без прикрас человеком, который был их другом, он найдет описание их, сделанное тем простым и ясным языком, в котором отразились дух и характер Гравы.

Делом его жизни были газеты, сначала „Ла Револют“, потом „Ле Тан Нуво“ („Восстание“, и „Новые Времена“. Прим. переводчика). Это была на редкость неблагодарная задача для общественного деятеля и теоретика, поочередно становившегося мишенью то для мести испуганной бюрократии, то для издательских выходов либертарных болтунов, но при всех этих условиях умевшего сохранить спокойствие, добавляющее руководителю благородного дела.

Как бы ни оценивать его в наши дни, но тот, кто знал Граву в те героические времена, теперь уже ставшие призрачными, откроем книгу не без волнения.

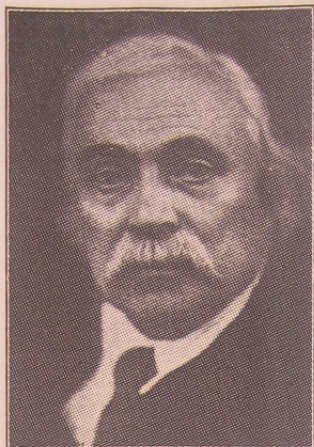
А. Р.

АНАРХИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ВО ФРАНЦИИ В ЭПОХУ ТРЕТЬЕЙ РЕСПУБЛИКИ.

(1871-1930).

(Воспоминания революционера).

ЖАН ГРАВ

Только-что вышедшая из печати книга Жан Грав на французском языке представляет собой довольно обемистый труд в 300 слишком страниц.

Книге предпослано очень краткое предисловие, написанное лицом, видимо очень близко знающим жизнь Грав, но, к сожалению скрывшим свое имя под инициалами А. Р. Предисловие дает беглый набросок биографии Грав и высокую оценку его личных достоинств.

Содержание 24-х глав, на которые разделена книга, чрезвычайно разнообразно. (Одна из этих 24-х глав — „Индивидуализм и индивидуалисты“ уже переведена и напечатана в „Пробуждении“ №11). Грав касается часто очень крупных событий, но не пытается рисовать большую картину, не ставит себе целью охватить общий ход социально-политической жизни Франции. Он рассказывает почти исключительно о том, как отражаются эти события на внутренней жизни анархических групп. Очень многие страницы посвящены чисто „домашним“ делам этих групп, мелким событиям и столкновениям.

Изложение начинается с 1871 г. Грав,

принимавший участие во франко-прусской войне, в качестве солдата, тотчас по окончании войны возвращается в Париж, знакомится с рабочим движением и скоро погружается в него с головой.

Сын простого парижского рабочего (Грав родился в 1854 г.), участника Парижской Коммуны, Грав провел детство в страшной бедности, работал учеником у механика, у кузнеца, у сапожника, прошел суровую школу жизни и на всю жизнь остался тесно связанным с рабочей средой. Его новые друзья почти все принадлежат к этой среде и живут ее интересами.

Очень скоро Грав становится анархистом и приступает к организации первых анархических групп в Париже. Книга дает изложение их программ, их литературы.

Скоро Грав встречается с Гэдом, будущим основателем французской соц. партии, с Малатестой, с Черкезовым. Но особенно интересна его встреча с Кропоткиным и его женой в 1880 г.

Грав описывает простоту Кропоткина, его доброту и энтузиазм. „Кропоткин — говорит он — всю жизнь оставался молодым,

сохраняя пыл 20-летнего юноши, несмотря на все перенесенные им страдания". Грав отмечает также, что, несмотря на свои обширные знания, Кропоткин всегда внимательно выслушивал своего собеседника и, если доводы его были убедительны, соглашался с ним. „Никогда — добавляет Грав — я не слышал, чтобы он говорил о себе или о своем знатном происхождении, хотя у него, как Рюриковича, было больше прав на всероссийский престол, чем у Романовых.“ Три страницы, посвященные Кропоткину в начале книги, чрезвычайно интересны.

В том же году Грав принимает участие в рабочем съезде, где выступает с предложением „заменить избирательный бюллетень динамитом“. Эта речь вызвала шум в печати и Граву скоро пришлось познакомиться с судом и тюрьмой.

Описанию судебных и полицейских нравов Грав уделяет очень много места на протяжении всей своей книги.

Первый арест Грера состоялся в связи с знаменитым Лионским процессом, где в числе обвиняемых был и Кропоткин. Здесь Грав описывает вмешательство знаменитого ученого-анархиста Элизе Реклю и приводит полный текст его письма — протеста. В следующих главах также приводится ряд писем Кропоткина и Реклю — повидимому, до сих пор еще не появлявшихся в печати.

По предложению Софии Кропоткиной, переданному через Реклю, Грав вскоре отправляется в Женеву на должность заведующего газетой „Револьте“. Здесь опять ряд столкновений с полицией, в результате которых Грера высылают из Швейцарии. Он возвращается в Париж и туда же переводит свою газету.

Подробно описывает Грав дальнейшее развитие анархического движения во Франции, рассказывает множество эпизодов, не всегда значительных, но в совокупности дающих очень яркую картину всего движения. Особенно подробно останавливается Грав на борьбе со шпионами, которыми полиция наводнила движение. Так же часто и подробно говорит Грав об отдельных участниках движения, как о тех, которые остались его друзь-

ями, так и о многочисленных ренегатах и провокаторах.

Три или четыре страницы, посвященные характеристике Элизе Реклю, с которым особенно тесно связывала Грера газета, не менее интересны, чем страницы, посвященные Кропоткину.

Рассказав о литературных успехах своей газеты, где одно время сотрудничали крупные писатели (в знак протеста против преследования печати), Грав переходит затем к описанию тюрьмы, куда он опять попал, и своих встреч там с будущими знаменитостями: с писателем Моррисом Барресом, с Лафаргом (зятем Карла Маркса и крупным теоретиком соц. движения), с Малам и др.

Здесь, в тюрьме, Грав заканчивает свою книгу „Умирающие общество и анархия“ и начинает роман из солдатской жизни „Великая семья“. Здесь и в последующих главах он приводит полный текст целого ряда писем знаменитых французских писателей: Мопассана, Октава Мирбо, Поля Адана, Реклю, Золя и др., а также Кропоткина. Письма эти, несомненно, представляют немалую ценность для историка.

Много места в книге занимает изложение полемики Грера с Обществом Литераторов, с Золя, с Мопассаном. В общем, эта часть книги наименее интересна для русского читателя, — если только он не занимается специальным изучением литературных нравов этой эпохи.

Делу Дрейфуса Грав уделяет мало места, лишь мимоходом обрисовывая отношение анархической среды к нему. Зато очень интересны и значительны те страницы, где Грав говорит о своих беседах с Золя и Клемансо в связи с кампанией в пользу амнистии политических.

В главе „Борьба за существование“ (т. е. за существование журнала Грера „Тан Нуво“) Грав подходит уже к периоду 1900-х годов, к русской революции 1905 г., о покушении на испанского короля, но обо всем этом говорит лишь мимоходом, уделяя каждому из этих событий не более, чем по одной страничке. Следующая глава дает описание кампаний Грера в защиту Феррера и Руссе,

ЖАН ГРАВ.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ.

Когда Реклю переселился из Швейцарии во Францию, мы стали часто встречаться

В один прекрасный день он ждал меня на пристани, у Севрского моста. Отправившись в дорогу по направлению к его дому, мы нагнали двух старых женщин, шедших впереди нас и толковавших о своих маленьких делах. Одной из них, по ее словам, нехватало несколько грошей на какую-то мелкую покупку. Она была в отчаянии, что ей предстояло вернуться домой за деньгами.

У другой женщины также не было денег. Что делать? Внезапно, достав из кармана мелочь, Реклю предложил деньги женщине: „Пожалуйста, разрешите вывести вас из затруднения. Ведь это такая маленькая сумма“.

Никогда не случалось мне видеть людей, так оскорбленных подобной смелостью, как эти две простые женщины. Честное слово, если бы Реклю сделал им какле-нибудь бес-

честные предложения, то и тогда они не были бы более шокированы. Реклю пришлось положить свои деньги обратно в карман.

Эта история напоминает мне о другом случае, рассказанном моей жене женою известного профессора Кембриджского университета.

Реклю поехал однажды в Лондон, чтобы ознакомиться с некоторыми редкими документами, находящимися в Британском Музее. Он отправился в Музей рано утром, так как на следующий день должен был покинуть Лондон.

Вернулся он лишь поздно вечером. Его спросили, нашел ли он то, что искал. И Реклю признался, что у него не оказалась времени на поиски...

Явившись в Музей, он встретил группу посетителей, — совершенно ему неизвестных, — остановившихся перед частями карниза древнего Партеоновского храма, известными

упадка „Тан Нуво“ и подводит изложение вплотную к войне 1914 г.

Захваченная войною врасплох, немногочисленная группа анархистов несколько растерялась. Сознывая свое бессилие повлиять на ход событий, оторванная, по словам Грера, от рабочего движения, зараженная сектантским духом, разбитая на группы, где каждый хотел быть главой, вся организация французских анархистов была обречена на бездействие.

Обстоятельства вынуждают Грера покинуть Францию и искать убежища в Англии. Одна глава посвящена описанию жизни в Англии во время войны.

В это время начался раскол среди единомышленников Грера, главным образом по вопросу о том, следует ли продолжать войну. В то время, как друзья Грера хотели, вместе с кинтальцами и циммервальдистами, мира во что бы то ни стало, Грав указывал на разоренные поля Франции и высказывался против „толстовской“ теории непротiwления. По поводу этого раскола, который Грав называет

роковым для анархического движения, он с горечью замечает: „Мы были слишком оторваны от массы. Мы заплатили за это. Если бы только этот урок мог пойти нам на пользу....“

Кропоткин в этом расколе был на стороне Грера, но считал, что „раз мы слишком стары, чтобы самим сражаться, то не подбоает нам толкать других идти сражаться“. Граву удалось, однако, поколебать Кропоткина, и они совместно составили нечто вроде манифеста, который был напечатан на пишущей машинке и разослан друзьям.

Подводя итоги результатам пропаганды в течение 35 лет, Грав говорит: „Что осталось от всей этой работы? Что случилось с нашим движением?“ — и отвечает: „Не осталось почти ничего. Развитие наших идей было остановлено катастрофой 1914 г.“

Грав заканчивает свою книгу выражением надежды на то, что молодое поколение возьмется на себя дело возрождения анархического движения.

в Англии под названием Эльгинского мрамора.

Вид посетителей так явно говорил об их затруднительном положении, что Реклю не мог не прийти им на помощь и стал объяснять то, что их озадачивало.

Постепенно он, вместе с ними, обошел все галлерей, стараясь сделать им понятными произведения искусства, на которых останавливалось их внимание. И до тех пор Реклю все объяснял им, пока не наступил час закрытия Музея. Реклю пришлось вернуться домой ни с чем.

Самым забавным было то, что когда он прощался со своими случайными знакомыми, то они стали совещаться в сторонке, не следует ли дать на чай их добровольному гиду.

Подобно Кропоткину, Реклю никогда не хвастался обширностью своих знаний, не страдал никаким тщеславием. Он умел выслушивать возражения, от кого бы они ни исходили, и отвечал на них без спеси, не прибегая к резкому, безапелляционному тону.

Все, кто его знал, говорили об его большой доброте, о его терпимости. Сюда нужно добавить простоту его манер.

Его доброта и терпимость! Признаюсь, временами они действовали мне на нервы, и между нами часто возникали разногласия.

Каждый имеет право думать как хочет и выражаться по-своему, в этом нет сомнения. Мы, сами притязающие на свободу, не станем против этого спорить.

Но когда к вам приходят глупцы или подкупленные люди и пытаются извратить ваши собственные идеи, изуродовать их, парализовать вашу пропаганду, — нужно ли предоставлять им свободу действий, не протестуя?

Я не предлагаю принуждать их к молчанию с помощью насильственных мер, хотя во многих случаях эти молодцы получили бы только по заслугам. Однако, необходимо же указать им их настоящее место, отвергнув всякую солидарность с ними и их выходками. Действовать иначе значило бы проявлять глупость или слабость.

Доброта! Терпимость! Сколько угодно — в обычных условиях жизни. Но в деле пропаганды, в ходе движения, преследуемого так, как преследовали наше движение, слишком

большая терпимость становится опасной и даже преступной.

Особенно часто мы спорили по вопросу о воровстве. — „Воры — писал он мне — все мы, и я первый, ибо я работаю для издателя и стараюсь получить плату в десять, а двадцать раз больше, чем обычный заработок честного человека. Все есть воровство“.

Этот довод чертовски притянут за волосы. Если Реклю заставлял платить себе немного лучше, чем платят черноработному, то это доказывало не то, что он был вором, а то, что его, благодаря некоторым обстоятельствам, обкрадывали менее, чем других. Его доводы исходили от чрезмерной совестливости, которая делает ему честь. Однако, в области социологии, в деле пропаганды, не следует рассуждать, руководясь только чувством.

Именно потому, что общество основано на воровстве, мы хотим его переделать. Пользоваться другими способом воровства, чем те, которые это общество разрешает и узаконивает, значит только ухудшать организацию общества, а не работать для его преобразования. Мы стремимся к обществу, откуда воровство было бы изгнано. Ни путем проповеди воровства, ни путем размножения воров мы не можем работать для уничтожения их, не можем подготовить гармоничное общество.

Должен прибавить, что Элизе Реклю не проповедывал кражи, но он был слишком терпим и находил слишком много извинений для тех, кто проповедывал воровство.

„Мы не должны быть судьями других“ — была одна из его аксиом. Возможно, что и это он понимал в общем смысле. Но когда люди, в ходе борьбы, пачкают идеи, которые вы защищаете, и делают их отталкивающими в глазах тех, кого вы стараетесь убедить, то должны ли вы, под предлогом свободы, на основании того, что не следует быть судьями других, допустить разлагающую работу в ваших рядах? А когда мы критикуем буржуазные учреждения, разве мы не становимся их судьями? Общие истины годятся для обобщений, но не всегда их можно применить к частным и определенным случаям.

В идейном движении, которому предстоит преодолеть столько предрассудков для того, чтобы быть понятным, те, кто борется для

его победы, должны сразаться с теми, кто, по глупости, его извращают. Тем более, когда за это дело берутся пауты и полицейские.

События доказали мою правоту. Именно потому, что очень многие из наших сторонников слишком охотно терпели развращающую работу кучки негодяев, не противодействуя серьезно уклону в сторону индивидуализма, именно потому мы были подавлены числом этих людей, теперь смотрящих на нас свысока и пытающихся подорвать нашу пропаганду, уничтожить все наши усилия, направленные к ее развитию.

Позднее, когда Реклю переселился в Бельгию, я встречался с ним лишь от поезда до поезда, или же тогда, когда он бывал в Париже проездом и заходил в контору или в типографию в день выпуска журнала. Мы вместе отправлялись завтракать в ближайший ресторан, обменивались впечатлениями, а потом он уезжал, увозя с собой несколько экземпляров журнала для просмотра, или книгу — по большей части, книгу стихов — для отрыва.

Он работал даже в дороге, всегда имея при себе лист бумаги и карандаш для заметок.

**

Во время знаменитого Лионского процесса пятьдесят восемь наших товарищей были преданы суду, яко-бы за „участие в Интернационале“, на самом деле переставшим существовать во Франции после свирепых преследований 1871 г. В ответ на это была брошена бомба в ночное заведение „Западня“, где имела обыкновение собираться аристократия Лиона. Только один человек был смертельно ранен. Бросившие бомбу успели скрыться и остались неизвестными. Этот случай вызвал неслезанную панику, которая еще увеличилась, когда новое покушение было сделано, спустя несколько дней, против здания одного военного учреждения.

Буржуазная печать бранила анархистов. На момент возник вопрос об аресте Элизе Реклю, но так как он жил в Швейцарии, то газеты делали вывод, что он намеренно бежал туда.

Элизе Реклю послал судебному следователю, производившему дознание по делу на-

ших друзей, следующее письмо, которое было воспроизведено всеми газетами:

„Господину Риго, судебному следователю. Я прочел в газете „Республиканский Лион“ от 23-го декабря, что, согласно результатам дознания, Элизе Реклю и князь Кропоткин являются вождями и организаторами анархистов, и что если я еще не в тюрьме, вместе с моим другом, то это потому, что французский суд не может арестовать меня по ту сторону границы.

Вам известно, однако, что арестовать меня было легко, ибо я только-что провел более двух месяцев во Франции. Вы знаете также, что я отправился в Тонон для погребения Афаньева, на следующий день после ареста Кропоткина, и что я сказал несколько слов на его могиле. Полицейским, стоявшим позади меня и называвшим меня по фамилии, стоило только предложить мне следовать за ними.

Не существенно, живу-ли я во Франции, или в Швейцарии. Если вы желаете расследовать мое дело, я тотчас явлюсь по вашему приглашению. Укажите место и час. В назначенный момент я постучу в дверь указанной мне тюрьмы.

Элизе Реклю“.

Достойный тон этого письма принудил к молчанию некоторых из лакеев пера. Остальные не понимали, что значит достоинство.

Афаньев, о котором говорит в своем письме Элизе Реклю, был шурин Кропоткина, умиравший на квартире у нашего друга, когда полиция явилась для обыска и перевернула все вверх дном.

**

Выйдя из тюрьмы, я стал готовить возобновление газеты. Разумеется, я написал Кропоткину и Реклю, чтобы узнать, можно-ли рассчитывать на их помощь.

Реклю ответил мне, что времена изменились, и что теперь я, быть может, имею другие намерения.

— Не вижу никаких перемен, — ответил я ему. Мы стали на пятнадцать месяцев старше, вот и все.

Он написал мне, чтобы я приехал повидаться с ним в Брюссель. Я взял билет туда и обратно, годный в течение пяти дней, и

вот я уже в Брюсселе. Реклю спросил меня:

— Вы сталкивались с Петром (Кропоткиным)?

— Я написал ему, как и Вам. Он согласен. На него можно рассчитывать.

— Этого не достаточно. Он может дать добрый совет. Вам необходимо повидаваться с ним.

— За этим дело не станет. Завтра еду в Лондон.

Так как у Реклю не было свободной кровати, то он повел меня в гостиницу. На следующий день он проводил меня на вокзал. По приезде в Остенде, я отправился в Лондон и нанял извозчика, который отвез меня к Кропоткину. Все вопросы были решены быстро. Кропоткин был в восхищении, что газета опять будет выходить. На него безусловно можно было рассчитывать. Он взялся посылать статьи по мере надобности.

Так как мой билет был годеи всего пять дней, и так как мой кошелек был не так полон, чтобы я мог рисковать, то я на следующий день выехал обратно, в Бельгию.

Реклю не имел возможности продолжать платить нам субсидию в размере 100 франков ежемесячно, как он это делал до конца газеты „Револьт“, но обещал помогать нам по мере возможности.

Смерть Реклю была потерей для идеи. Сейчас мы это чувствуем сильнее, чем когда-либо, глядя на то, как движение разваливается в руках невежд.

Если бы он и Кропоткин были живы, мы, конечно, сумели бы положить предел этому уклону. Но их более нет. И я пока не вижу никого, кто мог бы заполнить оставленную ими пустоту.

Жан Грав.

ОДА ПАПЕ РИМСКОМУ.

О, святая, вековая накипь,
Слизь и мрак
Без меры и границ!..
Я к стопам твоим, великий папа,
Одописно припадаю ниц:

Голос твой
Несет по разным странам
Нынче чернорясая орда..
О, всесильный цезарь Ватикана,
Фабрикантов всей земли
Звезда...

Ты грозишь большевикам
Голгофой,
Из крестов
Готовишь эшафот..
О, пресветлый рыцарь саваофа,
Крупна и Детердинга оплот.

Ароматом
Нефтяным пропитан
Хитрый дым кадилаицы твоей.
О, наследный принц иезуитов,
Вице-бог
Кастратов и ханжей!

Не тебе-ль
Случалось не однажды
Жертвенною кровью торговать?
Ты таишь, о, кроткий, о, продажный,
Замыслов преступных благодать...

Ты мечтаешь,
Мягкосердый пастырь,
Оросить рабочей кровью сушь.
О, надежда,
О, целебный пластырь
Воровских, продажных душ.

Ты брюзжишь,
Грозишь... христовой плотью,
Ты готовишь нам огонь и дым.
Только, опасаясь,
Что в лохмотья
Мы твои знамена превратим.

Вижу я,
О, повелитель правый,
На пороге недалеких дней —
Вместе с ключьями твоей державы,
Ключья
Ветхой мантии твоей.

АЛЕКСАНДР ЖАРОВ.

Н. А. РУБАКИН.

ИСКАТЕЛИ ИСТИНЫ: МАТЕРИАЛИСТЫ И ИДЕАЛИСТЫ

Статья 1.

В СЛОВЕСНОМ БОЛОТЕ

Сегодня мы будем говорить об искании и искателях истины. Истины вполне доказанной, а значит, несомненной. Истины вполне ясной и точной, а не туманно расплывчатой...

„Истина, истина! писал когда-то Эрнест Ренан, знаменитый историк христианства, автор замечательной книги о „Жизни Писуса“, — бывший аббат, возбудивший этою книгой против себя всех аббатов земного шара. „Истина, истина, — не ты ли есть тот бог, которого я все ищу?“

А „что есть истина?“ спросил когда-то образованный римский интеллигент Пилат стоявшего перед ним пролетария-самоучку Писуса, и тот ничего не ответил Пилату. А молчанье Писуса как бы говорило: „Ищи, ищи сам! Ищи по совести. Ищи по твоей собственной совести, а не той, которая лежит в чужой голове, в чужом сердце, в чужом кармане, или выражена в чужом приказе“.

Из всех искателей истины, как это видно и из истории науки и философии, вот кого следует называть самыми замечательными: во-первых, материалистов, во-вторых, идеалистов. Разумеется, всех времен и народов и всех общественных классов. А тех и других искателей можно рассортировать на два разряда: 1. Есть и среди материалистов, и среди идеалистов такие люди, которые убеждены, что уже нашли вполне точную и максимально достоверную истину, в какой не стоит даже и сомневаться. 2. Есть среди тех и других искателей и такие, которые еще ищут ее.

И тех, и других, т. е. тех, кто ищет, и тех, кто уже нашел, мы будем и должны считать не иначе как людьми искренними, сколько бы они ни спорили и даже ни бранились друг с дружкой.

Да, мы будем говорить в этой статье и о тех, и о других, как о людях искренних. Пусть даже они заблуждаются с нашей точки зрения, но нам близка и дорога именно их искренность, — хотя бы и искренность заблуждений. Искренность тоже, что честность.

Будем же не только уважать, но и любить эту честность, несмотря на все возможные разногласия.

Разумеется, неискренность и ложь тоже интересны, — с научной точки зрения. Интересен ведь всякий факт, если только он факт, а не призрак и не выдумба. Наконец, интересны с научной же точки зрения, и всякий призрак, и всякая выдумба, если они факты, а не наши обвинения других в разных выдумываниях и видениях. Современная научная психология даже с особенным вниманием исследует самым точным способом всякого рода ложь, — намеренную и ненамеренную, сознательную и бессознательную. Это на научном языке называется исследованием „лижи свидетельских показаний“. Будем и мы изучать ее, потому что не поняв неискренности, не сможем мы понять и оценить и искренности. Тем более всем нам необходимо изучать ложь потому, что современнейший социальный строй, как все его опоры, да как и враги этих опор, за очень немногими исключениями, сами тонут или утонут во лжи. Трудно, очень трудно этим вольным и невольным лжецам искать истину, да к тому же искренне. Но мы знаем не мало примеров, что ищут истину, — иной раз вполне искренне, даже и лжецы, т. е. те, кто врет и перед другими, и перед самими собою. К счастью человечества, еще есть на свете люди, не вполне задохнувшиеся от собственной и чужой лжи. Слава им. — слава даже такой однобокой потяремной искренности! Будем верить, что это все же лучше, чем болото бесчестной, намеренно корыстной и зловерной лжи.

Но пред лицом этой пестрой толпы людей искренних, полу-искренних и заведомо лгущих пред собою и пред другими, что же следует понимать под словом „истина“? Ведь это слово имеет в разных головах умах и сердцах даже очень различные смыслы. Иной раз и прямо противоположные. Да и как спорить, говорить, рассуждать об „истине“, когда не знаешь, о чем собственно говоришь?

Обыкновенно бывает так: тот, кто говорит слово „истина“, вкладывает в это слово свой собственный смысл, и разумеется, думает, что его-то он и выразил, этим своим словом, „истина“. А в это самое время тот, кто слушает это слово, вкладывает в него не это, а тоже свой собственный смысл: у говорящего и у слушателя одно и то же слово имеет разные смыслы, — это смотря по человеку. И чем больше спорят и чем сильнее горячатся разговаривающие, тем больше отстоят эти оба смысла друг от дружки: смысл, вложенный говорящим, от смысла, приписанного этому же слову слушателем. Кто этого не знает, не понимает и кто не испытал этого на самом себе?

Здесь перед вами вовсе не ошибка двух разговаривающих. И вовсе не ошибка или существенное несовершенство их: нет, здесь перед нами самое естественное свойство человеческой природы: умственной, нравственной, общественной, — свойство и природное, и приобретенное. С природой ничего не поделаешь. Но если принять в расчет естественность обоюдного непонимания, то к чему же в таком случае сводится говорение и слушание даже всякого отдельного слова, а тем более всякой отдельной фразы, а тем более всякой речи (печатной, рукописной, устной), составленной из многих и многих слов? И к чему же сведется в таком случае и всякий спор, в том числе и материалистов с идеалистами? Да и эти самые слова „идеалист“, „материалист“, „идеализм“, „материализм“, тоже ведь слова. Да и „идея“, „материя“ и все прочие философские слова, — к чему сведутся в конечном счете и они?

Вот на этот вопрос мы и постараемся дать ответ в этой статье на примере спора материалистов с идеалистами.

Сделать это на нескольких страницах журнала очень мудрено: ведь этот спор тянется между ними уже тысячи лет. И во всех отраслях знания. И во всех областях мысли, — и в науке, и в философии, и в искусстве, и в литературе, и в религии, и т. д. и т. д. И это во все века и во всех странах. И об этом споре уже написаны десятки тысяч увесистых книг и сотни тысяч, если не миллионы журнальных и газетных статей и статей. И,

несмотря на это, все-таки есть на земле люди, которые думают, что они уже решили вопрос и нашли истину. „О, святая простота! О, детское наивное самомнение! О, невежество в мундире ученых и философских слов! Истина, истина, сколько ерунды и лжи понаговорено и понаписано во имя твое!“

Условимся прежде всего, что собственно будем мы подразумевать под словом „истина“. По крайней мере предварительно, чтобы впоследствии углубить, уточнить, вообще усовершенствовать наше понимание этого слова.

Мы будем понимать под словом „истина“ соответствие, согласие, совпадение наших мыслей и чувств с тем, о чем мы мыслим и что мы чувствуем как внешнюю природу. Ведь не всегда и не везде бывает это соответствие. Многое нам только кажется, хотя на самом деле не существует никакого соответствия. „Есть“ и „кажется“ — две совсем разные вещи. Кажется, что солнце каждый день кружит вокруг земли, а на деле существует только круговращение земли на своей оси, подобно волчку. Пьяница вилит чертенок, а на деле их нет и быть не может.

Царю Николаю II и его присным казалось, что до революции еще очень далеко России, а на деле она уже стучалась в дворцовую дверь.

Ну а, может быть, и материалисты, и идеалисты плохо различают то, что есть, от того, что кажется? На этот вопрос каждый из них ответит: „я-то различаю, а вот мой противник нисколько!...“ Прежде всего научимся-ка искать истину до конца, до самой предельной глубины человеческого понимания, — до такой глубины, дальше которой и идти некуда, в силу такого устройства нашего человеческого ума, нашего мозга, нашего тела.

Но тут опять вопрос: а каким именно людям доступна? Ведь люди бывают разные: умные и глупые, ученые и невежественные, первобытные и цивилизованные. И они обыкновенно тоже не понимают друг дружку, а тонут и тонут в своих собственных мыслях, чувствах, стремлениях, интересах. И... в собственных словах.

Тонут в собственных словах! Многие-ли люди понимают, что, из всех опасностей человеческой жизни, эта опасность тонуть в

собственных словах самая опасная и самая страшная? Люди ищут и ищут истину, гонятся и гонятся за нею, а на самом деле только говорят и говорят. Говорят с дугими, говорят с самими собой, говорят вслух, говорят „про себя“. Даже и мышление человеческое идет, в огромном большинстве голов, не иначе как в виде слов, — при помощи слов во всяком случае. Говорение и слушание, писание и чтение, — все это слова, слова и слова. Мы о словах обыкновенно и думаем, слова-то и ощущаем и чувствуем. Иные слова мы принимаем за „закон“, иные за „религиозное вероучение“, иные за „науку“, иные за „литературу“. Дикие люди не замечают, что дышат воздухом. А образованные люди не замечают, что тонут в океане слов, и все похожи на сказочного барона Мюнхгаузена, который хотел было вытащить самого себя из болота, уцепившись за свой собственный хохол.

С первого взгляда кажется, что сейчас сказанное преувеличено. Но подумаем хорошенько, что значит слово? А вот что такое: слово есть звук, слово есть знак, печатный или рукописный. Одно дело — звук и знак, и совсем другое дело то, что им обозначается и что под ним понимается. Т. е. смысл этого слова. Всякое слово делает только такое дело: возбуждает в человеческой голове свой, этот самый смысл. *) В какой голове оно не возбудит его, такая голова и не узнает смысла этого самого слова. Если в иной голове это слово возбудит много-много разных чувств, мыслей, умственных картин, желаний, и т. д., — в такой богатой голове это самое слово получит могучий, яркий, глубокий смысл. Знает, вот что такое смысл слова: он находится не в самом слове, и не в его звуке, и не в его печатном или рукописном начертании, а в человеке, в живом человеке, в человеческой личности, мыслящей, чувствующей и страдающей. Самое слово-совсем второстепенное дело: главная суть в человеке. Чего нет в слушателе и в читателе, того они не почувствуют и в слышанном и прочитанном слове. Поэтому иной человек прибавляет к чужим словам кое-что своего, а другой — убавляет из этих слов кое-что. И все, все без исключения люди бо-

лее или менее искажают, переделывают смысл читаемых или слышимых слов. Вот в этом то и заключается главная опасность общечеловеческого словесного общения: ясное дело, что слова и словесность — это вовсе не сосуды истины; нет, эти самые сосуды и их содержимое зависят от всякого слушателя и всякого читателя, например, в иной голове, такое слово как „материалист“ возбуждает злобу и отвращение, а слово „идеалист“ — как раз наоборот, — в такой голове это слово получает свой особый смысл. Но в таком случае, где же тут истина, и, наконец, где же и как искать ее?

Вот в этом-то и заключается самая суть вопроса об истине. Ищи истину где знаешь, но всегда останется верным такое правило: ни на свои, ни на чужие слова ты при этом уж лучше не полагайся, если стремишься к истине действительно искренне и самоотверженно. Все едино, будь ты идеалист или материалист, или какой иной мыслитель.

Первое и самое важное дело, какое необходимо сделать, добываясь познания истины, состоит в том, чтобы выбраться из под власти слов. Да, из под их власти, из под настоящего ига их, которое куда страшнее, чем иго татарское, капиталистическое, царское и всякое иное: ведь всякий враг незаметный всегда гораздо опаснее, чем враг заметный и бросающийся в глаза. И чем многочисленнее полчища слов, тем сильнее и опаснее этот враг. Короткая фраза понимается легче и яснее, чем фраза, состоящая из многих десятков слов. Короткая речь яснее длинной. Это было понятно еще более двух тысяч лет тому назад, в греческой стране Лаконии, и ее жители старались говорить возможно короче: кратко, ясно, иной раз одним-двумя словами выражали самую суть дела. И выходило это без ущерба для смысла. И такой способ коротко говорить называется с тех пор лаконизмом.

До изобретения типографской машины люди старались и писать покороче. С изобретением печатной машины началось печатное наводнение. Люди стали писать и печатать тысячи слов, когда для пояснения той же мысли достаточно бы было, без ущерба для дела, и десяти-пятнадцати. Слушатели и читатели

*) См. еще „Пробуждение“ 1929 г. № 9-10.

тоже привыкли к многословному товару. И вот начался век словесного тумана, — и в науке, и в искусстве, и в общественной жизни. И всего больше в философии. Появились и специалисты по многословию, — говоруны и болтуны всех сортов. Вот что писал о них еще в 1840 году в своей замечательной книге: „Что такое собственность“ *) (П. Ж. Прудон, знаменитый французский анархист, почему-то почти забытый русскими анархистами): „Давно уже слово отделено от науки и разума, и теперь мы имеем различных ученых, не умеющих говорить, и говорунов, совсем не знакомых с наукой, даже с наукою о слове. В настоящее время философ — уже не есть ученый, а говорун. Некогда законодатели и поэты были люди глубокие и божественные; теперь они — говоруны. Говорун подобен звянку колокольчику, из которого малейший толчок извлекает нескончаемый звон. У говоруна продолжительность речи всегда тем больше, чем сильнее убожество его мысли. Тем не менее говоруны управляют миром: они нас одушают, душат, грабят, они сорут нашу кровь и насмеваются над нами. Ученые же молчат. Как только они раскроют рот, их перебивают“....

К сожалению, огромное число говорунов не сознает того, что они болтуны. Обыкновенно им кажется, что они — „делатели мысли, науки, философии, общественной жизни“ и т. д. и что ими то и держится мир. И не только самим болтунам, но и слушателям и читателям их сочинений обыкновенно кажется, что словесные их излияния уясняют что-то, „определяют“, „растолковывают“. Здесь перед нами крайне важное обстоятельство, не понимая которого не поймешь ни настоящей точкой науки, ни настоящей философии. Дело вот в чем:

Многим писателям и ораторам, как и читателям и слушателям, кажется, что **определить слово** — это тоже что объяснить его. Один спорщик произнес такое-то слово. Его противник спрашивает: „А что вы подразумеваете под ним?“ — „То то и то то“ отвечают ему.

Определение слову сделано, и спорщики уже думают, что смысл этого слова пояснен. Но что собственно сделано? Слово пояснено **словами** же и ничего кроме слов здесь нет, а об этих словах тоже можно спорить. И их тоже можно определить словами. И так до бесконечности. Да так и делается и в речах, и в книгах. Можно при этом понимать слова, их значение; но понимать **именно их**, — это еще не значит понимать, к **чему** они относятся, и какой предмет или событие они обозначают.

Так напр. в философских словарях даются такие определения словам „Идеализм“, и „Материализм“. Идеализм — это значит „такое гносеологическое направление („философская система“), которая рассматривает внешний мир в пространстве и времени идеально, т. е. как простой, зависящий от познания мир представлений, не обладающих собственной независимой деятельностью“. А „материализм“ вот что такое, по определению словарей: „материализм — это такая философская система, которая приписывает действительное бытие одной только материи“. Здесь оба философских слова определены, пояснены.... словами же. Первые из этих слов иностранные, а иные русские, но с каким-то особым, необычным значением. Напр. слово „представление“. Что это такое? Представление театральное или иное какое? А слово „внешний мир“, „направление“, „независимая деятельность“, и т. п. что такое? Их тоже можно понимать различно, да разные люди и понимают их по-разному. Еще больше таких людей, которые, взглянув в философскую книгу, вовсе не понимают их. Но в каком же смысле тут понимать их? Для этого нужны пояснения на пояснения, и определения на определения. Дорогой читатель, появились ли вы такие словесные определения слов? Чтобы их понимать, самому нужно быть ученым. В таком случае, чего же и пояснять слова словами же? Всем словесным определением грош цена. Нет, объясните-ка вы нам их по настоящему, и покажите нам те предметы, те факты, события жизни (внешней или внутренней), к которым эти слова относятся. Вот тогда и всякий нормальный человек поймет значение этих слов. Словесные определения ничему не учат; они

*) Русский перевод Е. и Н. Леонтьевых. Спб. 1907 стр. 259

не обозначают с достаточной ясностью даже смысла слов, а не то, к чему должны отнести, приурочить их в жизни. Никакая фраза, никакое словесное определение или словесное описание не скажет еще не сведущему человеку, что такое напр. „ланцетник“, или „протоплазма“, или „мыловарение“, или „революция“ и т. д., если этот человек не видел, не слышал, не ощутил их собственными чувствами.

Знать, понимать действительный смысл этих слов — это значит — знать качества того, что ими обозначается. И не одно какое-нибудь качество, а многие — многие, — возможно большее количество их. А это узнается лишь собственным опытом, но уж никак не из чужих слов. Ни одна фраза, ни одно словесное определение не исчерпает всей совокупности этих качеств. В 1776 году, напр. появилась в Северной Америке какая-то очень зловредная, прожорливая муха, которая уничтожала посевы и с которой американские фермеры, и даже правительство не в силах были справиться. Что тут делать? Американцы запросили об этом у одного ученого, который жил в Англии, за океаном. Но вместо того, чтобы послать ему образчики самой мухи, они послали подробнейшее словесное описание ее. Даже очень ученый человек не смог представить себе эту муху по ее словесному описанию, а потому и не смог помочь американцам. Словесные описания и определения даже сбивают с толку. Но ведь это же самое делает и каждый из нас. А это и значит: понять слова — еще не значит понять самую суть этих слов, — суть того, что существует в жизни. Действительно понять какое-нибудь слово — это значит спуститься от этих слов к фактам жизни: слова суть не более как средства, а факты — цель.

Поймем как следует самую природу человеческого знания. Оно имеет дело или со словами, или с фактами, т. е. явлениями природы, предметами, или с теми или другими фактами. Когда имеешь дело со словами (своими или чужими,) т. е. когда их слышишь, читаешь или сам говоришь и пишешь, тогда надо всегда направлять свои усилия к тому, чтобы привести слова к тем самым фактам, какие ими обозначаются.

Факт — это значит реальность, а слово

— это то же что название факта, кличка, вроде как наклеенный словесный ярлык. Латинское слово „факт“ значит по-русски „сделавшееся“ или „сделанное“, т. е. уже существующее в действительности или существовавшее, независимо от того, какое название, слово, кличку приклеил к этому кто-нибудь: факт независим от этой клички, от этого словесного ярлыка. Реальность — это значит действительность. Латинское слово „Рес“ „реалис“ (res) — значит „вещь“, бытие, „факт“. Реальность — их совокупность, в отличие от их „возможности“. Слово „реальный“ противоположно слову „идеальный“, потому что первым обозначается то, что существует независимо от нашего понимания, знания, толкования, ощущения. А слово „идеальный“ — обозначает то, что существует только в нашем понимании, т. е. в нашем уме. Мир реальный — это то же, что внешний мир, т. е. который существует вне нас, вокруг нас. А мир внутренних — это совокупность чувств, мыслей, стремлений, ощущений и др. непосредственных переживаний всякого живого существа. Его нередко называют „нашим я“. То существо, которое все это переживает, называется субъектом познания. А все то, на что устремлено это познание, называется объектом его. Напр., каждый человек сам для себя — субъект, а всякий другой человек для него — объект. Значит, мои мысли, мои чувства, мои желания, мое я, — это мой мир субъективный, а те предметы внешнего мира, о которых я мыслю и которые чувствую и которых желаю — это мир объективный. Материальный мир — это мир объективный, внешний, точнее сказать — принимаемый за внешний мир. А мир идеальный — это совокупность наших мыслей, чувств, стремлений и других внутренних переживаний.

Но вот чего не следует забывать, читая все такие пояснения слов: все эти философские слова и названия, и все такие словесные определения могут быть вполне понятны только тому, кто поймет их на фактических примерах. Иначе сказать, только тот уразумевает их суть, кто сумеет с этих словесных высот спуститься к фактам жизни, к физической общечеловеческой.

Спуститься с словесных высот к фактам!

С первого взгляда кажется, — чего проще: услышал слово да понял, что им обозначено, вот и спустился. Напр., услышал слово „лошадь“, вспомнил какую-нибудь лошадь, — вот и спустился от названия к факту.

Не тут-то было! От этого слова до знания и понимания лошади еще очень далеко: поставь лошадь перед человеком, несмыслящим толка в лошадях и с ними не общавшимся, и тогда и увидишь, понимает-ли он, что такое лошадь? Самое-то название или слово „лошадь“, разумеется понимает всякий русский человек. Ну, а если кто на своем веку никогда еще не видал лошади? С другой стороны, может ли понять человек, не знающий иностранных языков, что значат такие слова-звуки, как „Pferd“ „cheval“, „Horse“. По одним словесным звукам никакой человек не поймет, что ими обозначается именно лошадь. А потому и надо решить раз навсегда, что не в словах дело, а в фактах жизни. Когда европейцы впервые завезли лошадь в страну дикарей, эти дикари назвали лошадь „свиньей, которая возит человека“.

Но от слов к фактам ведет очень длинный и трудный путь, а он состоит из четырех главных переходов или этапов. Вот эти этапы:

1. Прежде всего необходимо выбраться из тумана слов и очиститься от словесной тухли. Это значит — перестать судить о фактах по их словесным названиям и определениям, и не принимать слова за факты.

2. Порешив, сделать это трудное дело, необходимо отыскать наиболее верный и наиболее короткий путь, ведущий из этого царства словесного тумана к реальности, т. е. к тому, что действительно существует (помимо всяких слов), потому что одно дело-то, что действительно есть, и совсем другое дело — то, что кажется. Но какой же путь ведет от слов к реальности? Отнюдь не словесный. Вот настоящий-то путь и необходимо найти помимо слов. Его то и нашли давным давно люди самостоятельно и независимо мыслящие. Надо этот путь узнать, понять, изучить, применить в своей умственной жизни. Надо именно по этому пути дойти до реальности.

3. А дойдя до нее, надо встать перед этой реальностью лицом к лицу, и ее самое спросить: да ты-то что такое? Надо выяснить,

изучить и ее с наивозможной достоверностью и точностью. И изучить, выяснить не по чужим словам, сколь бы ясными и убедительными они ни казались. И не по чужим ярлыкам, кем-то и когда-то наклеенным на реальность, а при помощи собственных глаз и всех других органов чувств, и при помощи собственного опыта, т. е. познакопившись с практическими способами изучения и выяснения. И таким-то только образом и можно дойти до конечного предела человеческого знания и понимания, — до предельной ясности его. Только благодаря этому способу перестанем мы повторять чужие слова, принимая их за истину. Пусть уж повторяют чужие слова попугаи да сороки. Человеку-же, искренне ищущему истины, не к лицу попугаева болельня ума и чувства.

4. Наконец, четвертый этап, самый важный и трудный. Его можно пояснить такими практическими правилами: „изучай не для того только, чтобы изучать и изучить, а для того, чтобы в своей обыденной жизни применить, использовать“. „Отыскивая истину, живи и гори, но не для того, чтобы сгореть, а для того, чтобы светить и греть“. Этот четвертый этап есть этап **практической работы** в обычной, обыденной жизни. — это сама наша жизнь, наше поведение: нечего нам и лезть сквозь все четыре этапа, если мы не намерены улучшить собственное поведение, осмысливать его, углублять наше понимание жизни фактически и реально.

Мы все должны облагораживать не только наши знания, но и умственные оценки и расценки наших житейских дел и делишек, и это для того, чтобы жить до конца наших дней возможно полной, светлой, напряженной, красивой, а, главное, плодотворной и независимой жизнью, не только для себя самого, а и для всех других людей.

Первый этап: царство словесной тухли. Это царство поразительно могущественно так как чужие и наши собственные слова управляют нашими мыслями, чувствами, волей, поведением. Сила слова видна из того, что огромное большинство людей мыслит не иначе как при помощи слов, потому что словами действительно облегчается человеческое мышление, обдумывание, рассуждение, дока-

зательство, да и накопление, рассортировка знаний. Есть такие явления человеческой природы, предметы внутреннего мира и события, которые волей-неволей можно обозначить только словами, т. е. приурочивая к ним какие-нибудь словесные ярлыки, звуки или знаки и такие отвлеченные слова как: „радость“,

„капитализм“, „белизна“, „боль“, „древность“ и т. д. Кроме того, как уже было отмечено выше, есть люди, все мысли которых, молча бегущие в уме, имеют форму каких-нибудь слов, — не иначе как слов. Мало таких людей, которые мыслят не словами, а напр. своими непосредственными ощущениями или впечатлениями, обликами, воспоминаниями того, что видно или пережито. Напр., некоторые художники, при слове „город“, вспоминая и воображая вид, картину какого-нибудь города. Но есть и такие люди, которые переживают это же слово „город“ совсем иначе: эти вовсе не воображают города, а лишь понимают слово город, звук или начертание этого слова. Есть люди, которыми внутренне управляют слова и слова, при том всякое их слово само собой напоминает им, вызывает в их уме не предмет, а какое-нибудь другое, третье, четвертое слово, и так без конца. Поэтому такие люди очень способны к говорению и писанию, вследствие чего их и называют людьми словесного типа. Огромное большинство болтунов и говорюнов принадлежит именно к такой человеческой породе. Такие люди не управляют своими словами; напротив, управляют этими людьми их же слова. Но каково же приходится их читателям и слушателям, которые принимают каждое их слово за чистую монету! Чтобы складно говорить, вовсе не требуется складно и правильно думать и рассуждать. Достаточно лишь не запинаться. Убожество мысли прячется в таком случае, во-первых, за большое количество слов, а, во-вторых, за быстроту говорения. Если выразить неправильную мысль лишь немногими словами, она не обманет даже и ребенка. Но если эту же мысль выразить целым потоком слов или в виде увесистой книги, она сможет обмануть и миллионы людей. Людьми словесного типа являются и так наз. „вишпелетчи“: они пишут стихи не имея в себе ни чувств, ни мы-

слей, маломальски не похожих на обычные. Такими вишпелетами руководит только память на слова.

Людей словесного типа тоже не мало и среди слушателей и читателей. Они отличаются тем, что сами нуждаются в болтунах, говорящих и пишущих, „поющих и волюющих, и глаголящих“. Академик И. Павлов *) отметил, что есть люди, которые больше поддаются влиянию слов, чем влиянию фактов окружающей их действительности. Это можно видеть и на примере словесных внушений, а также на примере нелепых и неуместных урезониваний, уговариваний, убеждений, на примере так наз. „натирания своих очков на чужие глаза“, и вообще на действии разной словесной трухи (газетной, журнальной, книжной, перговной, школьной, парламентской и т. п.). Есть ораторы, похожие на словесные пулеметы. С точностью узнаю, что Бриан выпаливает по 145 слов в минуту, Миллеран по 130, а Марен по 185 (!!!). Существует и особая болезнь — „логопатия“ (словобесие, словоблудство) и „логоррея“ (словесный понос). Людям выдающимся и нормальным волею и неволею подражают маленькие детишки и психопаты, и логопаты. Этому способствует действие словесного внушения и самовнушения: болтуны и говорюны, люди словесного типа, хронически и всюду внушают многим и многим иной раз целой толпе, точнее сказать, — стадам человеческим, слепое доверие к своей словесной трухе. Делается это обыкновенно при помощи игры на чувствах и на инстинктах человеческих, и прежде всего на инстинктах низшего качества, животных и телесных: такие всего понятнее — даже животным. Они действуют на подсознание, о котором мы говорили в нашей предыдущей статье (см. „Пробуждение“ №9-10), т. е. помимо разума и даже вопреки разуму, и потому мы называли их там „иррациональными“, иначе сказать, вне-разумными влияниями и переживаниями. Так действуют: темперамент, характер, привычка, разные чувства, влечения, стремления, желания, интерес, страсти, потребности, вера, неосмысленные „убеждения“.

*) И. Павлов „Лекции о работе головного мозга“, стр. 358.

Все это переживания иррациональные. Есть и поступки, действия, поведение тоже иррациональные, т. е. находящиеся вне контроля разума. Таковы действия **подражательные**, когда один человек, а то и целая толпа, бессознательно повторяет и сама воспроизводит чужие действия, какие видит перед собой или вокруг себя.

Примером этому может служить стадо баранов: овцеводы свидетельствуют: заставь одного барана перепрыгнуть через палку, которую держишь плашмя, на небольшом расстоянии от земли, — после этого первого, барана перепрыгнет в силу бессознательного, механического подражания, и второй и третий, и десятый и т. д. Затем убери палку, — и следующие бараны все таки будут прыгать на том же месте, где была палка, хотя уже нет никакого препятствия к их разбегу. В романе знаменитого французского писателя Франсуа Рабле „Пантагрюэль“ рассказано о некоем Панурге, который придумал учинить такое „свинство“ овцеводу: во время своего плавания на грузовом корабле, перевозившем целое стадо баранов, Панург купил одного барана, да и бросил его в море. В силу подражательности, попрыгали с корабля в море и все другие бараны того-же стада, да так все и потонули. А кто не знает, что значит „обезьянничать“? Это обезьянье свойство тоже есть нечто иное, как склонность к подражанию. Оно наблюдается и у людей, — и во внешней, и во внутренней их жизни: и в их мыслях, и в чувствах, и в желаниях, и в мнениях, и в рассуждениях, и в телодвижениях, жестах, и в выражении лица во время разговоров. Все это — примеры подражательности, а значит, все это — поступки иррациональные, независимые от разума. Правда, иногда самому человеку кажется, что он рассуждает сознательно и вообще подчиняет себя своему разуму, а на самом деле это лишь кажется, потому что самый разум и сознание человека находятся во власти иррациональных сил, подсознания. Об этом мы уже отчасти говорили в наших предыдущих статьях (см. „Пробуждение“ 1929, № 9-10).

Разговор, речь, даже писание тоже бывают подражательными, а значит и иррациональными. В таких случаях человек гово-

рит то, что „говорится“, а пишет то, что „пишется“, — это смотря по настроению, машинально, автоматически

В своих речах и писаниях, и даже в манере слушать и читать, люди постоянно поражают друг дружку и тут разум и сознание их ни причем. И правда, огромное большинство тех слов, какие мы говорим, бессознательны, или полусознательны. И лишь очень немного таких, которые сознательно и обдуманно сказаны.

А при слушании и чтении чужих слов мы тоже не обходимся без подражательности. Мы бессознательно приписываем чужим словам наш собственный смысл (никакого другого мы не знаем и знать не можем), — наши собственные чувства и другие иррациональные элементы. И тоже по „заведенному порядку“, иначе сказать, „по примеру других“, т. е. подражательно. Подражание управляет и нашим слушанием, и нашим пониманием. А, в конечном счете, и выходит, что мы тонем и тонем в словесной туже, тонем бессознательно, тонем непреодолимо, тонем и дни, и годы, и всю жизнь. И во внешнем, и во внутреннем мире. Нечего и удивляться, что из такой жизни, погруженный в словесную тину, ничего и не выходит: смотришь, — и смерть уже на носу.

Но словесная подражательность еще далеко не главная опасность, грозящая людям в их общественной, да и личной жизни. Есть опасность еще поважнее и пострашнее, и вот такая: мы, люди, то и дело принимаем наши слова за факты, приписываем фактам не их собственные качества, а смысл, то есть, качества наших же слов, тот смысл, в каком мы сами понимаем такое-то наше слово. Это делается очень просто: подмывается какое-нибудь слово и приклеивается нами как ярлык к какому-нибудь факту, да и закрывает своим смыслом этот самый факт. Таким способом обыкновеннейшее явление природы, даже самое естественное, превращается нами в явление сверх-естественное, чудесное. Напр., крест на небе — принимается за божественное знамение; большое наводнение — за всемирный потоп, и т. д.

„Знамение“, всемирный потоп, — все это ничто иное как словесные ярлыки, нами

же наклеенные". С помощью собственных слов и речей, всякий человек населяет окружающую жизнь, природу, весь мир различными призраками, даже особыми существами, каких нет, не было и быть не может. Вот, напр., до сих пор существуют люди, которые верят в чертей и ангелов и др. невидимых духов, ими же изобретенных. И больные, и пьяные люди даже вечно видят видения. Разумеется, и черти, и ангелы, и всякие видения существуют только во внутреннем мире человека. Но, тем не менее, они кажутся ему существующими во внешнем мире. Дети тоже принимают сказку за реальность: Иван-царевич кажется существующим в действительности. Из этих примеров видно, что у людей есть очень старинная привычка приписывать миру внешнему то, что существует в мире внутреннем, как бы переносить это из себя в него. Выходит нечто подобное проекционному прибору („волшебному фонарю"): картинка внутри фонаря, а ее видно на стене, потому что она туда проецирована т. е. „отброшена". Она — проекция того, что на стекле внутри.

Можно сделать проекцию из любого своего внутреннего переживания. — из всякой собственной мысли, чувства, желания, интереса, и т. д. Вот напр. древние римляне создали таким способом особую богиню „Викторию". Это латинское слово значит по-русски „победа". Они проецировали эту свою мысль образ и чувство во внешний мир и стали говорить, что мол действительно существует на свете какое-то особое существо „Победа". Подобным же образом проецирована и „Свобода", которая даже изображена, как известно, в виде ограмных статуй. В былые времена люди верили во множество таких существ, и даже называли их богами и богинями. В настоящее время происходит, в сущности, тоже самое, но вроде как особыми существами считаются напр., такие, как „монархизм", „капитализм", „социализм", „наука", „пресса" и т. д. словно это не олицетворение, наше понимание окружающей жизни, а что-то особое, вне нас существующее.

Но не будем смешивать человеческую проекцию с истиной. Проекция вовсе не совпадает с реальностью, а напротив, — искажает ее, — мешает ее правильному пониманию.

Самая суть такого проецирования человеческих переживаний во внешний мир видна из следующих примеров: Вот слова „теплота" и „свет", что они обозначают? В реальном смысле, этими словами обозначается просто на просто ощущение тепла и света. Разумеется, всякое ощущение происходит внутри человеческого тела (глаза, кожа, мозга). Существует оно благодаря тому, что так устроены органы осязания и зрения. Но что делает человек? Он относит их к внешнему миру и говорит, будто бы во внешней природе существует особая „сила" — „теплота", „свет". Лет сто тому назад их называли „невесомыми жидкостями", а на самом деле это лишь проекции человеческих ощущений, выраженных человеческими же словами. А вот еще слово „Природа". Им обозначается все существующее. Но то и дело встречаются в разных книгах такие слова как „мать-природа", „природа-целительница", „природа-божество", и т. д. Подобно этому проецируются и разные другие человеческие мысли. Напр., философы нередко говорят о „Разуме Вселенной": его существование доказывает даже знаменитый дарвинист А. Р. Уоллес. Другие философы доказывают существование „Вселенской Любви", управляющей миром. Иные верили и в духов зла, и в духов добра. Древние персы олицетворяли их в виде Ормузда и Аримана. Все это не иное что как проекции человеческих переживаний.

К их числу относятся и такие, как „атом" и „душа".

На понятии „атома" держится, как известно, понятие „материи", „вещества". А на понятии „душа" держится понятие *идеи*, которое считается одним из проявлений души.

Об следующих трех этапах пойдет речь в следующей статье.

Н. Рубакин.

Лозанна 1930

А. ХИЛКОВ.

ЧЕЛОВЕК И СРЕДА

Нельзя не согласиться с М. Неттлау, писавшем № 11 „Пробуждения“ о необходимости более тщательного исследования произведений и мыслей П. Кропоткина. В развитии социальных идей Кропоткину принадлежит столь видное место, что он, несомненно, заслуживает к себе еще гораздо большего внимания, чем то, которое ему до сих пор оказывалось. При этом самого пристального внимания, мне кажется, заслуживают его последние произведения, письма, мысли, созревшие у него под влиянием тех „очистительных“ испытаний и того грандиозного опыта, которые принесла с собою мировая война и русская революция.

Война и революция явились как бы пробным камнем для разных теоретических построений, для всех недостаточно обоснованных утверждений и ожиданий. Многие из последних перед лицом действительных событий выявили полную свою несостоятельность.

Действительные события, реальная жизнь сломала рамки многих теорий и гипотез, принимавшихся за „научные истины“, и заставила всех искренних искателей правды взглянуть гораздо глубже в природу социальных явлений. И одним из замечательнейших плодов такого более глубокого, обогащенного тяжким, но богатым, опытом, проникновения в сущность всего, что образует общественную жизнь, человека, несомненно, явилась „Этика“ Кропоткина.

Обогащение мировой социальной литературы „Этикой“ Кропоткина следует признать событием первостепенной важности. В наше время, когда большинство социологов как-будто совсем позабыли о живом человеке, находящемся в центре всех социальных явлений, когда эти социологи все более и более заменяют исследование подлинной жизни и ее подлинных основ произвольными теоретическими построениями, опирающимися то на ничий опыт, то на проверенные утверждения и надежды, то на понятия часто столь же фиктивные, как те, которыми оперировала когда-то средневековая схоластика,

— в это время появление „Этики“ Кропоткина оказалось как нельзя более кстати.

Это произведение возвращает мысль и внимание своих читателей к человеку, к его переживаниям, к его стремлениям, к его самым сокровенным и в то же время высоким потребностям. Для того, кто читает эту книгу со вниманием и без нарочитой предвзятости, жизнь общества уж более не представляется механическим комбинированием слепых экономических сил, но вырисовывается, как яркая, органически связанная во всех своих частях, совокупность множества человеческих усилий, направляемых человеческим чувством и разумом.

Пусть не все мысли и утверждения, которыми Кропоткин старается объяснить происхождение стремлений, руководящих деятельностью нормально развитого человека, могут нам представиться достаточно последовательными и освобождающими от ига, накопившихся в социологии предрассудков, но все же, оставляя в стороне эти объяснения, как частное, второстепенное, необходимо признать главную заслугу Кропоткина в том, что он так отчетливо и метко указал на некоторые факты, нуждающиеся прежде всего в признании самого их существования, а затем уже — если возможно — в том или ином объяснении их происхождения.

П. „Этика“ — всем своим глубоким смыслом и духом — именно заставляет нас признавать, увидеть в человеке (так или иначе сформировавшемся в течение минувших веков и тысячелетий) такие переживания и такие потребности, которые освобождают его от исключительной, рабской зависимости от, непосредственно на него давящих, материальных условий существования и делают его способным к социальной деятельности, опираемой не тем, что ему подсказывает его инстинкт личного самосохранения, его примитивно-эгоистические потребности и вожделения, но тем, что наметило своим высшим идеалом его глубокое нравственное чувство.

Человек, являющийся носителем этого

нравственного чувства, более не раб окружающей его среды и вызываемых в нем этой средой — помимо его желания и воли — переживаний. Его деятельность направлена на осуществление того, что выставлено перед ним его собственным нравственным сознанием, как его долг, обязанность. Соблюдение же этого долга, этой нравственной обязанности дает ему ту совершенную радость, которая искупает и покрывает собою все неизбежные трудности, лишения, опасности и страдания.

И поэтому „Этика“, как произведение указывающее на путь подлинного, немедленного освобождения человека от рабской зависимости от окружающей среды (от этого высшего, по мнению многих, господина) по смыслу и по значению своему является одним из наиболее совершенных произведений с анархической точки зрения.

„Этика“ говорит нам не о человеке-рабе, находящемся в полном подчинении у существующего экономического, социального порядка, но о человеке-творце, своею нравственной силой познающему выше этих экономических условий и их преодолевающим. „Этика“ разбивает, парализующую волю и усилие человека, легенду о его полной зависимости от окружающей обстановки, ибо она выясняет, что помимо инстинкта личного самосохранения, действительно являющегося уязвимым местом в человеке, его „ахиллесовой пятой“, воздействием на которую среда может при некоторых условиях полностью им овладеть, в нем имеется еще другой источник энергии, стремлений, желаний, потребностей, а следовательно, в конце концов, и действий — его нравственное чувство, одаряющее его способностью действовать независимо от тех ближайших, личных интересов, которые в нем поддерживаются влиянием непосредственно окружающих его внешних условий.

Человек может быть свободным творцом, строителем справедливой общественной жизни, при условии преобладания в нем развитого нравственного чувства над грубо-эгоистическими побуждениями — вот та мысль, которая, бесспорно, является, так сказать, душою „Этики“.

И это произведение, как я уже сказал выше, может быть призвано одним из наибо-

лее совершенных с анархической точки зрения, ибо как бы дарует людям немедленную, подлинную свободу, в то время как большинство других социологов говорят лишь о какой-то будущей свободе, своею проблематичностью являющей полную аналогию с потусторонним царством небесным; в настоящем же они лишь культивируют в своих читателях сознание своего рабства, своей полной зависимости от окружающих вещей.

Писатели, социологи этого рода низводят человека на положение „продукта среды“. Среда порождает, говорят они, а следовательно и ее продукт, человек, тоже неизбежно порожен. Внести изменение в природу человека и улучшить его жизнь может, по их мнению, лишь предварительное изменение среды, экономических условий существования. Изменения же среды происходят, согласно их теориям, в силу „имманентных экономических законов“... Таким образом эти социологи, хотящие видеть истоки социальной жизни не в самом человеке, а в окружающей его среде, неизбежно доходят до фетишизма — до надделения этой среды, мертвых вещей, качествами живого одушевленного существа, проявляющего себя некоторой творческой активностью, имеющей своим объектом самого человека.

Хотя Кропоткин и причислял себя к мыслителям нерелигиозным, к материалистам, тем не менее не трудно заметить, что от большинства „классических“ материалистов, сосредотачивающих все свое внимание на экономических явлениях, взятых вне их причинной связи с внутренними человеческими переживаниями, его отделяет очень, очень многое.

Читая произведения Кропоткина, видишь все время, что его мысль постоянно занята этой прочной связью, что он постоянно чувствует ее, и потому-то все его предшествовавшие труды неизбежно завершились про изведением ставящим ребром вопрос о мотивах и истоках социальной деятельности человека и о путях ее совершенствования...

И в то время, как Кропоткин указывает, что путь этот сопряжен с возбуждением, с развитием в человеке глубокого нравственного чувства справедливости и чувства со-

лидарности, в это время другие социологи, упорствующие в букве материалистической догмы, ничего не хотят ожидать от свободного почина человека, и все свои надежды возлагают на действие среды, на власть экономических явлений, на силу „имманентных экономических законов“. По их мысли, человеку как-будто остается лишь „сидеть у моря и ждать погоды“. Сидеть и ждать, когда экономическому ветеру заблагорассудится наконец подуть и погнать ладью человека к новым социальным берегам. А до тех пор человеку делать нечего, ибо он не творец, а тварь, не свободная личность, но раб вещей, раб среды... И именно среда, — а не он, человек, — над всем господствует и все предопределяет.

Но многие ли спрашивают себя — а что такое среда? Что ее образует? Мне кажется, что нет, ибо достаточно поставить этот вопрос, чтобы для всякого непредвзятого человека, не отвещающего глаз от действительности, сейчас же стало ясно, что окружающая среда представлена прежде всего не мертвыми вещами, но живыми людьми, с которыми он находится в тех или иных отношениях. И именно эти отношения человека к человеку образуют ту „среду“, которая если и влияет в свою очередь на каждого члена общества, то все же предварительно сама возникает, как известное отражение того, чем по внутренней, психологической своей сущности являются люди.

Среда есть прежде всего отражение, продукт, следствие, а затем уже становится причиной, во причиной опять-таки не самостоятельной, но связанной с человеком. Всякое существенное изменение среды предполагает поэтому предварительное изменение той психологической сущности человека, которую она отражает и выражает. Таким образом для изменения личной и общественной жизни, их внешних форм, необходимо одно — чтобы сам человек менялся, совершенствовался в своей внутренней, душевной сущности, чтобы он не только бессознательно отдавался самопроизвольному процессу своего морального роста, но и сознательно его в себе культивировал, подавляя в себе все стремления, противоречащие разуму и нравственному чувству, и практикую, упражняя в себе стремле-

ния с разумом и с нравственным чувством согласные.

Социологи, отрицающие свободу человека, его способность проявить свободный почин в деле создания новой социальной жизни, почин и инициативу, не нуждающиеся в определенных, теоретически заданных, экономических предпосылках, говорят, что человек связан, опутан теми переживаниями, которые даются ему материальными условиями существования. Но подобные утверждения являются в значительной мере результатом закрытия глаз на то обстоятельство, что ощущения, переживания, вызываемые в человеке непосредственно окружающей его обстановкой, вовсе не исчерпывают всю совокупность его переживаний, чувств, солидарности и любви с другими людьми.

Как существо разумное, человек способен жить не только ощущениями текущего момента, но может мысленно переноситься в самые разнообразные положения, также в известной мере предвидеть и предчувствовать будущее. И те чувства, которые в нем возбуждены таким мысленным перенесением себя в иную, воображаемую обстановку или в будущее, часто отличаются таким постоянством и упорством, которые делают их более действительными и более сильными, чем острые, но быстро преходящие, изменчивые, противоречивые, взаимно друг друга уничтожающие ощущения, вызванные давлением переменной среды. Как существо же связанное некоторыми нравственными, душевными узами с другими людьми, некоторыми социальными привязанностями и тяготениями он опять-таки способен испытать чувства гораздо более сильные и повелительные, чем его чисто-личные, грубо-эгоистические желания и вожделения.

Таким образом при известной внутренней одаренности и известном внутреннем развитии человека ощущения, потребности, чувства, вызванные в нем воздействием непосредственно-окружающей экономической обстановки, могут занять в общей совокупности его переживаний далеко не первое, не руководящее, а значительно более скромное, место.

Вот почему мы видим, что к признанию

одного и того же социального идеала — идеала равенства, братства, свободы — приходят люди, находившиеся под влиянием самых различных социальных, экономических условий. Так, например, пришли к признанию подлинных христианских идей, очищенных от догматических, церковных наслоений, и крестьяне-духоборцы и богач и аристократ Л. Толстой, а к идеям социального анархизма приходят и простые рабочие-пролетарии и, опять-таки, богач и аристократ П. Кропоткин.

Исходя из самых различных, даже прямо-противоположных внешних положений, все эти люди стремятся, как к центру, к одному и тому-же идеалу под влиянием той внутренней моральной силы, которую они носят в глубине своей жизни, растущей и нищущей души.

Конечно, всякое изменение во внешних формах жизни, так или иначе достигнутое, в свою очередь может либо помогать, либо мешать человеку двигаться и развиваться дальше: лишь в том случае эти изменения помогают человеку в деле дальнейшего совершенствования его жизни, если вносят большие мира, успокоения в область человеческих взаимоотношений, и способствуют созданию той атмосферы взаимной благожелательности, солидарности, сострадания, в которой могут свободно развиваться лучшие, братские человеческие чувства и стремления. И наоборот — каким бы ни представлялось нам то изменение политических и экономических форм, которое сопряжено с обострением, ожесточением человеческих взаимоотношений, оно неизбежно выводит в конце концов общественную жизнь на высшую ступень, ибо создает ту атмосферу борьбы, вражды, ненависти, злобы, страха, вынужденного притворства и лицемерия, в которой питаются лишь низшие инстинкты, способности, стремления человека, делающие его примитивным эгоистом, ищущим власти, удовлетворения личных хотений и остающимся глухим к переживаниям других людей...

И в этом пункте социологи, наставляющие нас на том, что корни всех социальных явлений, да и всей вообще человеческой жизни, находятся в окружающей его среде, обыкновенно впадают сами с собой в глубокое про-

тиворечие: они не ожидают самопроизвольных, по их мнению, изменений в этой среде, а стремятся сами произвести ее ломку и перестройку какими угодно средствами, совершенно не желая видеть того, что в самом процессе этой ломки и перестройки создается некоторая реальная обстановка, атмосфера, среда, являющаяся по своим качествам полным отрицанием той идеальной, теоретически намеченной среды, которая могла бы оказать на человека желательное для них влияние. И таким образом даже совершенно независимо от степени возможности так или иначе достигнуть в будущем ту проблематическую среду, которая могла бы сыграть роль всеисильного и благого творца в деле перерождения человека, они сами создают в настоящем иную среду, не только не идеальную, а прямо-таки порочную, иную атмосферу — атмосферу вражды и ненависти, принуждающую своих творцов, да и всех вообще людей, в нее попадающих, поддерживать в себе во все не те душевные качества и способности, которые необходимы для построения подлинного социализма, нового общества, спаянного во всех своих частях чувствами солидарности, благожелательности, участия, сострадания, и пр., но наоборот — взаимное недоверие и ненависть, манию преследования, безразличие к людским страданиям и т. д. и т. д., т. е. все те нравственные пороки, в силу которых человек находит удовольствие, наслаждение в том, чтобы властвовать над другими, их эксплуатировать и т. д.

А между тем, казалось бы, что именно те, кто склонны скорей переоценивать значение и власть среды над человеком, должны были бы быть крайне осторожны в каждой производимой ими перемене, перестройке этой среды и допускать только такие перемены, которые однородны по своим качествам с конечной средой, намеченной ими, как цель и, главное, как источник полного перерождения человека... Например, признание полной социальной свободы, как одной из высших, отличительнейших особенностей этой конечной, идеальной среды, обязывает признавать желательными и осуществлять в настоящем лишь перемены, увеличивающие степень относительной, неокромсанной свободы, данной

теперь людям и позволяющей им хоть в некоторой мере самостоятельно развивать и поддерживать в себе лучшие социальные стремления и задатки, вложенные в них природою.

Вот почему всякие государственные методы, примененные даже для самых благих целей, по самой природе своей заранее обречены на полную неудачу, на выявление их полной несостоятельности: сосредотачивая все свое внимание на внешней стороне человеческой жизни и стремясь начать перестройку этой жизни, не стесняясь в средствах, именно с этой — внешней — ее стороны, они совершенно упускают из виду живого человека и законы его внутреннего, душевного развития; в результате же эти государственные методы на практике перерождаются в полное отрицание тех благих принципов и идей, во имя которых было допущено и даже „освящено“ их возникновение.

Человечество по мере того, как обогащается его опыт и расширяется его кругозор, все более и более отворачивается от цикла тех теорий и учений, которые кладут в основу всей человеческой жизни ее внешнюю сторону, ее внешние политические или экономические формы и которые поэтому прибегают к государственной, политической власти, как к высшему и наиболее действительному средству, для производства всяких спасительных перестроек в этой области.

Все более и более отворачаясь от учений и теорий, явно или скрыто носящих властический, диктаторский, государственный характер, человечество в лице наиболее зорких представителей проявляет все большее тяготение к такому пониманию жизни, которое требует прежде всего свободного, благого почина от самих людей, независимо от тех внешних условий, в которые их бросили в прошлом обстоятельства, судьба, другие люди или же их собственные слабости и слепота.

В своем четвертом очерке „Слабость и сила анархизма“ (напечатанном в „Голосе Труда“) Волин чрезвычайно метко указывает на то, что — „Глубочайшая мысль анархизма состоит в том, что подлинное общественное переустройство, подлинное социальное творчество требует не более или менее доверчивого и пассивного следования масс за

идеологической или политической организацией, за партией, за лидерами, но сознательного, инициативного, активного участия этих масс, т. е. свободного сотрудничества миллионов человеческих умов, воли, энергий, сил“..

Точно так же Волин справедлив, когда говорит: „Сущность анархизма, его глубочайшая идея состоит в полном отказе от какого бы то ни было руководства массами; от управления ими, от того, чтобы тянуть их „на буксире“ за своими теориями, „за своей волей, за своим делом“.

Наконец он все так же прав и еще более определен, когда кратко замечает: „Анархизм. — как и „царствие божие“, — „будится“.

Все эти три мысли Волина имеют, по моему разумению, в виду то внутреннее, психологическое перерождение масс, которое достигается в процессе свободного внутреннего роста, независимо от чисто-внешних, искусственных, не обусловленных психологическими факторами экономических перестроек, ради осуществления которых оправдывались возникновение, существование и в конце концов смена всяких властей, правительств и диктатур.

В своей прекрасной статье — „Беседа о борьбе и о борцах“ („Г. Тр.“ 1929) Н. Рубакин подробно и глубоко развивает по существу ту же мысль — о необходимости свободного почина человека, о внутреннем его преображении... Указав на три величайших несправедливости, „от которых вот уж много тысяч лет страдает все человечество“, — на господство человека над человеком, во-первых дубьем, во-вторых, рублем и в-третьих, обманом, — он тщательно обосновывает и подчеркивает ту мысль, что „в глубине революции в области умственной и вообще духовной жизни, как человека, так и народной массы — и, уж если эта внутренняя, духовная революция произошла, там приходит конец и устаревшему государственному строю и социальному, если он не соответствует стремлениям и вопору этой духовной революции. Из всего сказанного следует, что настоящим революционером надо назвать только такого, который отрицает все три великих несправед-

ливости, и к тому же отрицает их в самом корне, кто борется с самими основами их. И повторяю, не только в окружающей общественной жизни, но и в себе самом, в своем Я⁴.

Хотелось бы привести еще некоторые выдержки из этой статьи Н. Рубакина, но чтобы не удлинять слишком мою собственную статью, перейду в заключение к некоторым общим выводам.

Мне представляется, что такие произведения, как „Этика“, и такие статьи, как только что мною цитированные статьи Волина и Рубакина, прокладывают дальше тот путь, по которому должно пойти дальнейшее развитие социальных идей. Необходимость свободного почину, внутреннего психологического перерождения, как личности, так и массы, того перерождения, благодаря которому лучшие, благожелательные, братские чувства получат перевес над примитивно-эгоистическими — вот, по-моему, основной мотив всех подобных произведений — как крупных, научных трудов, так и незначительных, по размерам, газетных статей.

Конечно, основной мотив этот не у всех может звучать с одинаковой силой и чистотой, и установление его наличности в мыслях и писаниях некоторых социологов может вызвать, пожалуй, у них даже удивление: но все же, мне кажется, факт нарастания этого мотива в нынешней социальной литературе невозможно отрицать и, по мере его нараста-

ния, все определеннее и характернее делается лицо того социального направления — пред ставленного, на мой взгляд, прежде всего анархизмом — которое отрывается от другого идеологического направления, стремящегося притти к новой, справедливой общественной жизни путем разных искусственных политических перестроек, осуществляемых в порядке властвования одних людей, считающих себя „сознательными“, над другими, рассматриваемыми как несознательное стадо, обязанное покорно, рабски следовать за волею первых.

Этому последнему идеологическому направлению, — дробящемуся на ряд враждовавших и враждующих между собою государственных учений — принадлежала еще недавно монополия на умственную и вообще духовную жизнь народных масс. Но теперь эта монополия уже поколеблена, брешь в ней пробита, и сквозь эту брешь в народное сознание стремительно врывается поток свежих, новых мыслей, будящих в этих массах дух свободной, личной инициативы, свободного личного творчества. Все отдельные, индивидуальные проявления которого в конце концов сливаются в одно дружное, органически-цельное коллективное усилие, уважающее свободу всякого и в то же время обеспечивающее благо всему коллективу.

А. Хилнов.

ПИСЬМО АНАРХИСТА К МАТЕРИ.

Прости мне, дорогая мама,
Моей души неведомый порыв.
Я жизнь свою народу отдавая,
Иду к нему на помощь, на призыв.

Я с детских лет мятежною душою
Искал проблем загадки мировой,
Но думы горькия, роаясь в мозгу порою,
Сверлили мозг идеей роковой.

В минуты горечи, тоски и возмущенья,
Не упрекая людей в гибели моей,
Они рабы — мой дух сильней на мщенье,
Я мщу врагам трудящихся людей.

Я не могу молчать, когда кругом страдания:
Капитал и власть глумятся над людьми —
Потоки крови, муки, истязанья
В застенках смерти и ужасы тюрьмы.

Нет сил — душа моя бунтует и метается:
Пылает гнев в измученной груди.
А сердце бешено на помощь рвется
И тайно шепчет мне настойчиво: Иди...

И я иду с улыбкой роковою
На месть властям, буржуям и врагам.
Рукою дерзкою и сильною, стальною,
Сорву неравенство и отдам рабам.

МИРСКИЙ.

Резолюция протеста против арестов и преследований анархистов в СССР, принятая на съезде Русских Рабочих Культурно-Просветительных Организаций, состоявшемся 25 декабря 1929 года в г. Детройте.

„Мы, представители русских рабочих организаций в Америке, протестуем против усилившихся за последнее время арестов и преследований анархистов в России. Мы также протестуем против осквернения имени этих неустрашимых борцов за свободу и справедливость. Советское правительство, арестовавшее анархистов, называет их бандитами, контр-революционерами и т. д. Это безстыдная ложь. Анархисты никогда контр-революционерами не были, о чем свидетельствует вся их прошлая и настоящая деятельность. Они всегда, в момент революционных всплесков, оказывались в первых рядах возставших и первыми гибли от пуль врагов революции. Советское правительство, преследуя анархистов, тем самым открыто становится на сторону контр-революционеров и врагов рабочих и крестьян. Анархисты — подлинные революционеры и тот, кто их преследует — контр-революционер. Анархисты — истинные друзья рабочих и крестьян и тот, кто их арестовывает — враг рабочего класса и крестьянства. На этом основании мы, как братья рабочих и крестьян, требуем освобождения арестованных анархистов и предоставления им полной свободы в России“.

На том-же детройтском съезде вынесены также следующие резолюции:

О ПОМОЩИ ПОЛИТИЧЕСКИМ ЗАКЛЮЧЕННЫМ В РОССИИ.

Принимая во внимание, что нужда среди политических заключенных в России не только не уменьшается, но, наоборот, увеличивается, Съезд высказался за необходимость дальнейшей работы в смысле сбора средств в пользу политических заключенных. Существующий при детройтском Профсоюзе комитет помощи политическим заключенным в России согласился продолжать свою работу. Комитет будет работать в полном контакте с новоорганизованной Федерацией Русских рабочих Культурно-Просветительных Организаций.

Наша дальнейшая работа.

Хотя анархизм не имеет особых предписаний, везде и всюду одинаково применяемых, тем не менее Съезд рекомендовал всем товарищам придерживаться принципов ответственности и работать по силе возможности на распространение и укрепление наших идей, применяя для этого все честные и культурные средства.

Наше отношение к „Делу Труда“.

В виду того, что журнал „Дело Труда“, издаваемый Аршиновым в Париже, не прекращает обливания грязью газеты „Рассвет“, и тех организаций, которые ее издают, Съезд решил выпустить особое разъяснительное воззвание и разослать его во все анархические органы для напечатания. В воззвании этом будет сказано, что все обвинения, выдвигаемые против „Рассвета“ и организаций, его издающих, абсолютно ни на чем не обоснованы, и что сторонники Аршинова сознательно вводят в заблуждение некоторых товарищей, давая им неверные сведения о положении дел в Америке. Кроме того, Съезд нашел нужным отметить, что выпады местных сторонников Аршинова против „Рассвета“ в большинстве случаев носят личный характер и не имеют под собой никаких принципиальных оснований. Почти все теперешние сторонники Аршинова недавно работали с „Рассветом“ и всецело защищали ту линию, которой „Рассвет“ в силу сложившихся обстоятельств вынужден придерживаться. И ушли они от „Рассвета“ не по идейным соображениям, а просто в силу личных разногласий. Что же касается Аршинова, то он никогда по товарищески не относился к русскому анархическому движению в Америке. Его атакам подвергались „Американские Известия“ и даже журнал „Волна“. Следовательно, в его нападках то же нет ничего принципиального, ибо кто-же станет отрицать, что „Волна“ и „Американские Известия“ не были идейными органами. Опубликованием воззвания в анархиче-

ских органах печати Съезд решил покончить всякую полемику с Аршиновым и его сторонниками, считая, что полемика с подобными людьми является напрасной тратой сил и времени.

Наше отношение к „Пробуждению“ и „Голос Труда“.

Съезд приветствует эти органы, считает их выразителями анархических идей и обязуется помогать им как морально так и материально.

О раз'ездном лекторе.

Приведение в действительность вопроса о раз'ездном лекторе Съезд поручил Секретариату Федерации Русских Культурно-Просветительных Организаций. Всем организациям на местах, заинтересованным в этом вопросе, рекомендуется списаться с Секре-

тариагом Федерации, адрес которого скоро будет опубликован.

Разные.

О Музее Кропоткина. Съезд рекомендовал по возможности шире распространять книгу — Путеводитель по Музею Кропоткина — и все вырученные средства направлять в нью-йоркский комитет по оказанию помощи музею Кропоткина. Книгу можно выписать из редакции „Рассвет“ или непосредственно из комитета, адрес которого 317 И. 18 ул. Нью-Йорк. Там же можно получить подписные листы для сбора добровольных пожертвований. Во время обсуждения вопроса одним из товарищей было внесено предложение сделать шапочный сбор в пользу музея. Предложение Съезд принял. Сбор дал 33 дол., которые решено немедленно отправить по назначению.

КОНФЕРЕНЦИЯ ГРУПП И ОРГАНИЗАЦИЙ, ПРИМЫКАЮЩИХ К ИЗДАНИЮ ЖУРНАЛА „ПРОБУЖДЕНИЕ“.

В Детройте, 24 и 26 декабря прошлого года состоялась конференция пробужденцев. На конференции присутствовали делегаты из следующих городов: Балтимора, Мл., Нуарка, Н. Дж.; Елизабета, Н. Дж., Кливленда, Огайо, Чикаго и Детройта.

На конференции были высказаны следующие пожелания:

Желательно, чтобы товарищи на местах, кроме распространения журнала, приняли самое деятельное участие в его популяризации: писали небольшие статьи, корреспонденции, сообщали о положении труда в их местности, о взаимоотношениях рабочих с предпринимателями и т. п.

Рекомендуется всем организациям на местах принять все меры к финансированию журнала, как то: сбор по подписным листам, устройство предприятий, розыгрыш художественных картин, книг.

Конференция рекомендовала обратиться ко всем идейным товарищам, адреса которых удастся достать, с предложением принять участие в сотрудничестве в журнале. В частности решено обратиться к Волину и другим товарищам, живущим в Париже.

Издавать журнал раз в два месяца, а по-

том по возможности переходить на регулярное ежемесячное издание. Бумагу можно давать недорогую с целью экономии в средствах. За набор можно платить экстренно, если в обычное время журнал нельзя набрать.

Конференция нашла нужным присоединиться к решению Съезда, т. е. иметь одну федерацию под названием Федерация Русских Рабочих Культурно-Просветительных Организаций, которая будет издавать оба органа — газету и журнал. Под заголовком журнала на первой странице (не на обложке) решено поставить: Издание Русских Рабочих Культурно-Просветительных Организаций.

Конференция рекомендовала обратить в первую очередь внимание на самообразование и самовоспитание. Необходимо устраивать лекции, доклады и беседы семейного характера для выяснения многих сложных социальных вопросов, дабы в случае выступления перед массами можно было хорошо, ясно и понятно излагать вопросы свободного строительства общества.

Намечено к изданию несколько брошюр: Худолея об истории анархического движения в России, материалы о смертной казни чикагских мучеников и Сакко и Ванцет-

ти, собранные М. Суком. Работу эту поручено вести группе „Пробуждение“, кроме того поручено Секретариату Федерации снасть с Москвой и узнать какие имеются неизданные материалы Льва Черного и А. Карелина.

Конференция присоединилась к решению Съезда, постановившего вынести резолюцию разяснительного характера.

Конференция отнеслась к анархизму отрицательно. Партия и анархизм не совместимы. Партия неизбежно ведет к подчинению и приказам из центра, анархизм же организует организацию, основанную на добровольных федеративных началах.

Так как газета „Голос Труда“ является

подлинно анархическим органом, необходимо ее всячески поддерживать и оказывать как моральную, так и материальную помощь.

Работу детройтского Профсоюза, занимавшегося в последние годы сбором средств в пользу политических заключенных в России, конференция нашла в высшей степени важной и рекомендовала продолжать ее в дальнейшем.

В разных обсуждениях вопрос о посылке лектора к духоборцам в Канаду. Принципиально вопрос решен в положительном смысле. Секретариату Федерации поручено выяснить „технические“ стороны этого вопроса.

МЕЛКИЕ ЗАМЕТКИ И СООБЩЕНИЯ.

БЕЗРАБОТИЦА, ЦАРЬ-ГОЛОД И МИЛИТАРИЗМ

В Австрии число безработных в две недели подскочило с 212,000 до 270,000 человек. В Германии число получающих безработные паи увеличилось с 1,400,000 человек в декабре прошлого года до 1,770,000 человек в январе текущего года. Всего в Германии насчитывается около 3,000,000 безработных. Полиция разогнала демонстрации германских безработных в Лейпциге (12 арестов), румынских безработных в Бухаресте (36 арестов), в Темисваре (300 арестов), в Вормсе (1 убитый) и в Гартмансдорфе (4 убитых и 20 раненых).

По сообщению московской „Правды“ от 6 марта с. г., в СССР на 1-ое февраля сего года насчитывалось 1,200,000 безработных.

По заявлению президента Американской Федерации Труда, В. Грина, количество безработных в Соединенных Штатах доходит до 3,700,000 человек.

В китайской провинции Вей в истекшем году умерло от голода 2,000,000 человек.

Французские и английские оккупационные войска оставили после своего ухода из Германии 15,000 незаконнорожденных детей.

В Бельгии в 1928 году 2128 человек были осуждены за дезертирство из армии и в

1929 году — 2450 человек.

В 1913 году, накануне мировой войны, во всех странах насчитывалось 20 миллионов тренированных солдат; в 1930 году их насчитывается 30 миллионов. Запасы амуниции и разрушительная способность армий увеличились в пять раз сравнительно с 1914 годом. В одной только Европе имеется 8800 военных аэропланов.

В ЖЕРТВУ БОГУ ВОЙНЫ.

За время с 1914 по 1918 г. на войне было убито 9,743,914 человек. За то же время ранено 20,927,458 человек и пропало без вести 3,000,000 человек.

Если перевести на рабочую силу потраченную на ведение войны энергию и материальные затраты, то таковые будут равны работе 1,000,000 человек, занятых 44 часа в неделю в продолжение 3000 лет.

В результате отравления ядовитыми газами на войне, около 100,00 солдат превратились в наркоманов в Америке.

Война длилась четыре года, 3 месяца и 10 дней, всего 1561 день. Ежедневно убивалось около 6400 человек, в минуту — 4 человека.

Англия израсходовала на содержание своей армии в 1925-1926 г. — 126,969,000 фунтов, в 1926-1927 г. — 121,847,000 фунтов, в 1927-1927 г. — 120,695,000 фунтов и в 1928-1929 г. — 117,210,000 фунтов.

МИЛИТАРИЗМ И БОРЬБА С НИМ.

Приводим выдержки из доклада Альберта де Сиконга, прочитанного на с'езде Синдикалистского Интернационала (берлинского) в Льеже.

„Милитаризм это — система монополизированной государственной силы с целью защиты или расширения национальной сферы эксплуатации (войны оборонительные и агрессивные), с целью захвата новых округов для эксплуатации и подавления недовольства или революционного брожения народных масс (забастовок, агитации, революций).

„Милитаризм является последним и самым могущественным средством в руках буржуазии для того, чтобы удержать в подчинении себе рабочий класс и подавлять борьбу за освобождение последнего.

„Во время борьбы за национальное освобождение, или классовой борьбы нарождается новый милитаризм (Китай, СССР), который всегда становится угрозой рабочему классу, потому что является орудием подавления народных масс в интересах привилегированного класса, и поэтому должен быть врагом свободы.

„Вследствие такой природы милитаризма, главной задачей рабочего класса является ведение борьбы не только против современного капиталистического милитаризма, но и за уничтожение милитаризма, как такового.

„Добровольческие армии, белые армии, фашистские банды и тому подобные милитаристические организации должны быть бойкотиремы.

„Ввиду того, что армия преимущественно состоит из рабочих, и поскольку армия при теперешнем состоянии техники всецело зависит от военной индустрии, рабочий класс массовым отказом от военной службы, посредством забастовок и саботажа может парализовать всякое военное действие, даже принимаемое белогвардейской армией.

„Самой лучшей подготовкой для подобных выступлений надо признать: индивидуальный и массовый отказ от службы в армии теперь же, и организацию пролетариата с целью отказа от производства амуниции. Более всего важно недопущение нового взрыва

войн, и переустройство нашего общества экономически (посредством социальной революции) таким образом, чтобы в нем исчезли главные причины, порождающие войну и милитаризм“.

ОРГАНИЗАЦИИ, ВЫСТУПАЮЩИЕ ПРОТИВ ВОЙНЫ.

Следующие организации объявили себя противниками участия в войне — капиталистической или гражданской — в случае ее возникновения:

В 1920 году — Интернациональный конгресс шахтеров в Женеве (1,500,000 членов).

В 1922 году — конгресс Интернациональной федерации труд-юнионов в Риме (24, 000,000 членов).

В 1924 году — Интернациональный конгресс текстильных рабочих в Вене (1,300, 000 членов).

В 1926 году — конгресс Германских труд-юнионов в Бреславле (800,000 членов).

В 1926 году — Английская Лейборитская партия в Маргейте.

В 1926 году — конгресс английских кооперативных обществ в Белфасте (5,000,00 членов).

В 1926 году — Независимая английская лейборитская партия (36,000 членов).

В 1927 году — Женское объединение английской лейборитской партии в Гудерсфильде (250,000 членов).

В 1927 году — Английское женское объединение кооперативных обществ в Лейсестере (200,000 членов).

ЧТО БЫЛО ДОСТИГНУТО ДЕЙСТВИЯМИ АНТИМИЛИТАРИСТОВ?

В 1905 году была предупреждена война между Норвегией и Швецией, благодаря выступлению младо-социалистов, отказавшихся от военной службы.

В 1909 году в Испании была объявлена генеральная забастовка по призыву Феррера, предупредившая нападение испанских милитаристов на Марокко.

В 1918 году германские матросы отказались повиноваться своим адмиралам, пытавшимся продолжать войну, несмотря на заключение перемирия.

В 1919 году экипаж пяти французских

крейсеров в Черном море отказался повиноваться приказам своих офицеров о нападении на восставший русский народ с целью разгрома революции.

В 1920 году была предупреждена война между СССР и Англией посредством создания в Англии Комитета действия, представлявшего английский рабочий класс, отказавшийся перевозить амуницию и пригрозивший объявить генеральную забастовку в случае возникновения войны.

В 1920 году рабочие воспрепятствовали доставке амуниции через Верхнюю Силезию во время советско-польской войны.

В 1920 году потерпел поражение монархический путч Каппа, благодаря объявлению генеральной забастовки рабочих и республиканских чиновников в Германии.

ОТКУДА ЭТО ВЫ Взяли, Г-Н МУРОМЕЦ?

В „Голосе Труда“, от 18-го февраля с. г. напечатана статья Н. Муромца. В статье „Товарищам из России“ он выступает в роли защитника „Голоса Труда“, задваившегося благодарной целью опровергнуть клевету и наветы, которыми занимается аршиновское „Дело Труда“ в Париже.

Защищает Муромец „Голос Труда“ хорошо, и за это ему честь и слава. Он возмущается неосновательными нападками „Д. Т.“, но это несколько не мешает г. Муромцу попутно бросить комок грязи в расцветовцев, и очистить себя, так сказать, за их счет. Он между прочим, без всяких на то данных пишет: „Расцветовские панихиды по Врангелям и другим высокопоставленным особам вызывают в нас чувство возмущения. В нас, конечно, то же... От себя мы прибавим, что и в нас тоже. Откуда это почтенный Муромец взял сведения о расцветовских панихидах по Врангелю и т. п. господам? Когда и в каком номере „Р.“, или в другой газете сообщалось об устройстве расцветовцами подобных панихид и кто из них молился за упокой грешной генеральской души? Отсутствие в статье Муромца ссылок на документальные данные и факты наводит нас на предположение, что свои πληροφορίες о врангелевских панихидах он взял с потолка с провокационной целью, рассчитывая на то,

что легкомысленные люди могут поверить всяким сказкам, исходящим от г. Муромца.

ЗАМУЧИЛИ В ТЮРЬМЕ ЗА СИМПАТИИ К ДУХОБОРАМ

В американской печати неоднократно сообщалось о зверских преследованиях канадским правительством духоборческой секты „Сыны Свободы“. Эти мирные люди, отказывающиеся от платежа налогов, употребляемых государством на содержание армии, полицейских и других вредных государственных учреждений, были неоднократно избиваемы канадской полицией, и имущество их подвергалось разгрому и конфискации.

Вместе с женами и детьми, „Сыны Свободы“ были брошены в тюрьмы, или интернированы в концлагере в Порто Рико.

В числе жертв произвола канадских властей оказались не только „Сыны Свободы“, но и не принадлежавший к их секте, но им симпатизировавший канадский житель — Владимир Мейер, католик германского происхождения. Он был брошен в тюрьму только потому, что протестовал против жестокого обращения канадских властей с духоборческими жевшинами и детьми. Условия содержания в Окальнской тюрьме в Ванкувере были настолько ужасны и расправа с духоборами настолько потрясла Мейера, что он не выдержал всех издевательств и произвола власти над людьми и собой и сошел с ума. Его, как сумасшедшего, власти перевели в психиатрическую больницу в Эссендале. Здесь В. Мейер был окончательно замучен и умер 2-го января 1930 года. О смерти его власти никому не сообщили под предлогом, что им не была „известна“ фамилия „сумасшедшего человека“.

„СЫНЫ СВОБОДЫ“ ПРЕСЛЕДУЮТСЯ В ТЮРЬМЕ

Ольга Бирюкова получила письмо из Порто Рико (Канада), в котором сообщает: „Шесть наших братьев, заключенных в Окальнской тюрьме в Ванкувере, подвергаются пыткам посредством помещения их в темном carcere“. Один из „Сынов Свободы“, Петр Малов обладает слабым здоровьем“.

Открыта подписка НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ПРОБУЖДЕНИЕ

Орган свободной мысли, издающийся русскими прогрессивными
организациями Северной Америки.

ЖУРНАЛ посвящен вопросам: политики, экономики, освободи-
тельного движения, науки, философии, искусства, литерату-
ры и критики.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

НА ГОД — 1 ДОЛЛАР 75 СЕНТОВ. НА ПОЛГОДА 1 ДОЛЛАР
ПОДПИСКУ, ВСЕ ЗАКАЗЫ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ПРОСЯТ АДРЕСОВАТЬ:

“PROBUZHDENIE”

9219 Russell Street, Detroit, Michigan

ПРОСЬБА К ТОВАРИЩАМ.

Ничто так не оживляет и не связывает чита-
теля с журналом, как различные сообщения с
мест о том, что происходит на фабриках, в шах-
тах, рабочих организациях и т. д.

Редакционная Коллегия “Пробуждения” про-
сит поэтому товарищей присылать нам краткие
сообщения, заметки и корреспонденции об анар-
хическом и рабочем движении.

Мы также просим, товарищи, вашего содей-
ствия по распространению журнала, подыска-
нию новых подписчиков, и об оказании ему ва-
шей моральной и материальной помощи.

Только при дружной товарищеской поддержке
журнал сможет выходить регулярно, и выпол-
нять возложенную на него миссию распростра-
нения беззаветных идей свободы и меж-
дународного братства людей.

С товарищеским приветом

Редакционная Коллегия.